

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Э. БАЙКОВ
В. ГЛУХОВЦЕВ

РОЙ БИТВА БЕССМЕРТНЫХ

Рой

Всеволод Глуховцев

Битва бессмертных

«Автор»

2011

Глуховцев В. О.

Битва бессмертных / В. О. Глуховцев — «Автор», 2011 — (Рой)

Люди сами порождают чудовищ, их пожирающих. Так было всегда, так случилось и на этот раз. Строго засекреченные эксперименты с нановитами (наноустройствами, обладающими разумом и способностью действовать) закончились плачевно. Мощный взрыв в лаборатории – и вещество с нановитами вырывается наружу. И целый город превратился в ад. Нановиты существуют не сами по себе, а в виде Роя – коллективного разумного образования. В этом сила Роя: можно уничтожить отдельных особей, но в целом Рой неуничтожим. Угроза нависает над всем миром. Людям в нем места нет – так решил Рой. Он делает из людей зомби и их руками переделывает мир. Однако не только люди совершают ошибки, но и Рой небезупречен. Он породил не только зомби, но и существ, ему неподконтрольных. Этим людей... или существ... или уже сверхлюдей... немного, но именно они – последняя надежда человечества. Они, как и Рой, практически бессмертны. Вместе с ними люди вступают в бой с врагом. Грядет Битва бессмертных, в который – как это ни парадоксально – кто-то должен погибнуть...

© Глуховцев В. О., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
1	6
2	7
3	10
4	11
5	12
6	12
7	13
Глава 2	16
1	16
2	17
3	19
4	19
5	20
6	21
7	22
Глава 3	24
1	24
2	25
3	25
4	27
5	28
6	31
7	32
Глава 4	34
1	34
2	35
3	36
4	38
5	39
6	40
Глава 5	44
1	44
2	45
3	46
4	47
5	48
6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Всеволод Глуховцев, Эдуард Байков

Битва бессмертных

Из сообщений мировых информационных агентств, июнь 2012:

«ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА!

Мировое сообщество всерьез озабочено угрозой, исходящей из России.

Неконтролируемые научные разработки поставили мир на грань уничтожения. Секретные эксперименты Министерства обороны РФ в области нанотехнологий закончились полным провалом: мельчайшие существа, наделенные интеллектом, – нановиты – вырвались из-под контроля и заразили город с миллионным населением.

Как стало известно, руководство стран Большой семерки предложило российскому Правительству и Президенту экстренную помощь в любой форме. Президент Российской Федерации издал указ, согласно которому дается зеленый свет приезду в Россию зарубежных ученых и технического персонала».

Часть I

Проводник

Глава 1

1

Ранним утром, когда легкая дымка, предвещающая жаркий день, повисла над вымершим городом, войсковая группа, куда были стянуты силы и средства со всех военных округов, всех складов длительного хранения, – эта группа приступила к невиданной в истории вооруженных сил спецоперации.

С левого берега по двум основным мостам – с юга и с запада – выдвинулись колонны военной техники. Очутившись на другой стороне, солдаты химвойск, облаченные в герметичные защитные комбинезоны ЛГ-5б, с ранцевыми огнеметами в руках рассредоточились вдоль реки на всем ее протяжении, где она излучиной огибала город.

Вскоре был отдан приказ приступить к зачистке территории. Бойцы принялись выжигать все вокруг, оставляя за собой дымящуюся полосу между кромкой воды и склонами возвышенности, на которой раскинулся город. Образовалась выжженная береговая лента шириной около ста метров и протяженностью два километра. Построек там почти не было, лишь домик сторожа на лодочной пристани да еще здание спасательной станции возле пляжа. Все это было деревянное – и вмиг сгорело до головешек.

Первая фаза операции была закончена.

Не медля ни минуты, приступили ко второй. На внешней границе выжженной полосы протянули ограду из толстой сетки-рабицы, поверху которой щедро намотали спираль Бруно. Следующие тридцать метров заминировали. За минным участком возвели забор из бетонных двухметровых плит, также усиленный колючкой. Через каждые сто метров у второго забора установили караульные вышки с прожекторами.

У берега соорудили две мини-гидроэлектростанции. По реке курсировали военные катера с установленными на них крупнокалиберными пулеметами ДШКМ и малокалиберными зенитными орудиями ЗУ-23. На противоположном берегу были также оборудованы гнезда минометных расчетов. Военнослужащие удивлялись: какого черта! – ну ладно, «зушки» еще куда ни шло, они везде проявили себя только с лучшей стороны, а все остальное старье – из каких пыльных углов откопали древние пулеметы и прочую лабуду?.. Неужели нельзя было оснастить и вооружить подразделения оцепления чем-нибудь поновее? Увы, ответов не было. А предположение только одно: кто-то нагрел на этом деле загребущие руки. Например, генералы-тыловики.

В любом случае подходы к реке были заблокированы – и ладно.

В это же время с севера и востока, где пригороды плавно переходили в поля и леса и где не было таких естественных преград, как реки, цепи огнеметчиков принялись планомерно выжигать всю растительность – по направлению к городу. Военное руководство резонно полагало, что, создав буферную зону вокруг обреченного города, можно сдерживать распространение заразы. Зараженные люди, превратившиеся в полуразумных существ – зомби, не смогут преодолеть этот заслон. А зараженные наземные зверушки вряд ли проскочат через него... Правда, что делать с птицами и летающими насекомыми – этого никто не знал. Они ведь могут

на своих крыльях и крылышках переносить заразу. В любом случае теперь обороне придавали самое серьезное значение.

Штаб по ликвидации последствий катастрофы, в который входило объединенное командование войск химзащиты, Внутренних войск, МЧС и еще нескольких спецподразделений и которым руководил сам Премьер, поставил четкую задачу: не допустить выхода агрессивных существ за пределы территории первоначального поражения. И еще Штаб принял беспрецедентное решение последовать рекомендациям засланного в Зону профессора Нахимова и руководимой им специальной группы: не применять ядерное оружие.

Было решено изолировать зону поражения, а затем начать планомерные зачистки города и прилегающей к нему территории. То есть, попросту говоря, выжечь там все подчистую, а затем сровнять с землей. Ибо, как заявили ученые, побывавшие в Зоне, этих наносуществ можно было уничтожить только высокой температурой – порядка тысячи градусов по Цельсию.

Но вначале «хозяева земли русской» решили проявить милосердие и вызволить из Зоны оставшихся в живых людей – в особенности команду Нахимова, который был им нужен позарез как главный специалист по возникшей проблеме.

В зараженный город была направлена смешанная команда бойцов и офицеров из подразделений специального назначения ВВ, ВДВ, ГРУ и ФСБ – численностью до взвода. Подразделению помимо обычных «Уралов» были приданы новинки российской военной техники: бронетранспортер БТР-90М «Росток» и боевая разведывательная машина БРМ-3К «Рысь».

2

Майор-эмчэсовец Ракитин, согнувшись и стараясь ступать бесшумно, продвигался вперед по темному тоннелю коллектора. За ним так же осторожно двигались три согбенные фигуры с оружием в руках. То были командир роты спецназа внутренних войск капитан Слободчиков, сопровождавший со своим подразделением группу ученых, направившихся в Зону; бывший спецназовец ГРУ, затем осужденный на длительный срок, а ныне вообще непонятно кто – вырвавшийся на волю бээсник (так называли бывших сотрудников МВД, спецслужб, прокуратуры, спецназа, осужденных по закону) ка питан Подольский и его верный адъютант Штепа – сержант-спецназовец Денис Степанов, такой же бээсник, замыкавший группу.

Мужики искали пропавших товарищей.

Правда, пойти в поиск смогли лишь наутро – слишком опасно было выдвигаться сразу, да и надежда была, что парни сами вернуться в лагерь, к Башне. Но не вернулись – ни ночью, ни утром...

Башню, одну из двадцатиэтажек на Проспекте, в свое время облюбовал в качестве временного убежища именно Валера Подольский. После того как армия зомби напала на их первый лагерь – склады МЧС, где полегли все спецназовцы Слободчикова и рота химвойск, оставшиеся в живых – в основном женщины и дети – укрылись в этой Башне.

...Когда наемни Ракитин со Слободчиковым после отступления из захваченного зомби лагеря по подземным коммуникациям успели убраться оттуда (с ними попервоначалу были еще двое бойцов – Алексей Меркурьев и Михаил Зверев), а затем последним броском достигли новой базы, перед ними замаячили знакомые лица, и на лицах этих сияла первая, еще безотчетная радость... А майор с тоской подумал, что сейчас эта радость схлынет и ему, Николаю Ракитину, придется объяснять людям самое трудное... Например, что все, кто оставался на базе и прикрывал отход раненых, женщин и детей, теперь лежат мертвые. И слава богу, что мертвые, ведь могли и превратиться в зомби – в солдат Роя!

А что касается выживших товарищей... Так эти двое заупрямились и за каким-то хреном ломанулись в совершенно противоположную сторону – в подземные коммуникации. И где теперь Леха с Мишаней? А ведь их-то точно ждут тут две дамочки – молодая и постарше...

А подбирать нужные слова и успокаивать людей ему – командиру их поредевшей группировки. Так он думал. И – как в воду глядел.

Николай знал, что ему сейчас предстоит, потому мир для него расплылся, отошел, остались только эти лица... даже одно лицо – юное, женское, и даже не столько лицо, сколько глаза – серо-голубые, в которых Николай прочел сперва радость и надежду, а затем они потускнели, изменились, потемнели... в них появилась растерянность, а вслед за ней мелькнул настоящий страх.

– Что... – вырвалось у Светы. – Где?!

– Все в порядке, – Николай постарался улыбнуться.

Это было неправдой, но сейчас требовалось сбить первый испуг – дальше будет легче.

Майор в скупых словах описал, как они расстались с Алексеем и Михаилом в подземелье – говорил, дружелюбно глядя на Свету, но знал, что слушает его не только она. Сбежались многие: Ракитин успел заметить мать Светы Тамару, пожилого охранника Сачкова, профессора Нахимова с верными ему ассистентами... Психология сработала: лица прояснились, люди поверили, что случилась досадная ошибка, парни просто заплутали и скоро выберутся на верный путь.

«Пусть так, – устало подумал Николай, – пусть так...»

Но вот среди прочих мелькнуло лицо Игоря Рябинина: растерянное, рот перекошен... и Ракитина кольнула мысль, что у молодого ученого от перипетий последних дней крышу неслабо своротило набок... додумать не успел, да и не надо стало: из глаз биолога плеснул ужас, он выкрикнул то же, что слетело с нежных губ Светы:

– Где?..

Его Николай не мог утешить так, как ее. Здесь лгать было бессмысленно.

– Игорь! Будь мужчиной. Твой брат Павел погиб смертью храбрых. Это правда, и я не имею права скрывать ее от тебя. Крепись! Надо жить дальше. Мы все с тобой! Вот все, что я могу тебе сказать.

Стало страшно тихо. У Игоря жалко задрожали губы.

– Жить... Я... куда жить...

– Да, Игорь. Только так. Держись! Ты не баба.

Но Рябинин уже развернулся и побрел, расталкивая людей, как-то нелепо кренясь в левую сторону. Николаю грешным делом показалось, что парень вот-вот свалится... но нет, так и ушел куда-то.

Тут стало не до него, подошли Подольский и капитан химвойск Максим Рылеев, оставшийся без своей роты, – в общем, завертелось колесо... Николай автоматически ощутил себя в должности командира, стал осматривать новую базу, придирается к только ему заметным мелочам... все пошло привычным чередом.

Их заблудившиеся товарищи, Алексей Меркурьев с Михаилом Зверевым, в тот день так и не вернулись.

Света от слов Ракитина поначалу было успокоилась, но час шел за часом... и она запаниковала, начала горячо уговаривать себя: ничего, ничего, все будет хорошо, они вернуться, ее Лешенька придет... но вот потянулось долгое летнее предвечерье, вот оно перешло в сумерки – и Света решила, что больше обманывать себя незачем.

– Мама! – Она постаралась быть спокойной, убедительной. – Ты видишь: наши... – тут она слегка запнулась, – ребята не вернулись.

Тамара Викторовна знала, что дочь не то чтоб упрекнуть ее за вулкан страстей с грубым летехой-омоновцем Зверевым – слова не скажет, напротив, всячески поддержит... но все-таки немного стеснялась.

– Ничего, Светик, – ласково сказала она. – Главное, не сдаваться. Не терять надежды. Никогда! Наши мужчины, слава богу, своих не бросают.

При словах «наши мужчины» Тамара выразительно посмотрела на дочь – во избежание двусмысленности. Но дочь и так прекрасно поняла мать. Не сказать, что успокоилась – тревога все же не оставляла ее, – но постаралась ободриться. «В самом деле, – подумала она, – Ракитин, Подольский... да и все наши вояки – настоящие мужики, они своих не сдадут. Пойдут искать!»

Так оно и вышло, хотя не сразу.

Поздно вечером поредевший штаб собрался на первую оперативку в новом месте. Настроение дерьмовое, но каждый из собравшихся уже привык крепить волю. Поэтому хотелось сделать все и сразу, но было ясно, что силы следует беречь.

– Ну что, – привычно начал Ракитин, – даю краткий обзор...

И, как всегда, толково осветил суть дела. Число всех, включая самых маленьких деток, – таковых насчиталось полсотни. Из них число боевых единиц – чуть больше двух десятков, не густо, черт побери!.. Число раненых – пятеро, один тяжелый успел загнуться. Техника – пять «Уралов», бронетехнику пришлось бросить; оружие, боеприпасы – на исходе. Провиант, вода, медикаменты – тоже в обрез. Приблизительное число погибших там, на базе, – свыше шестидесяти человек. И – двое пропавших без вести...

При этих словах профессор Нахимов болезненно сморщился:

– Ах как досадно! Какое невезение!.. Майор, нам нужно непременно найти Меркурьева. Во что бы то ни стало!..

Николай посмотрел на адепта науки.

– Вообще-то, господин профессор, – с особой интонацией вымолвил он, – пропали двое наших боевых друзей: Меркурьев и Зверев. И во что бы то ни стало искать нужно обоим...

До профессора не сразу дошел сарказм Ракитина, но, когда дошел, ученый смутился:

– О, простите, конечно, конечно! Я как-то не подумал... то есть я думал в первую очередь с научной точки зрения, и поэтому...

– В следующий раз, Герман Львович, – предельно вежливо произнес Николай, – думайте, пожалуйста, со всех точек.

Повисла неловкая пауза... Подольский первым нарушил ее.

– Ребят надо искать, вопросов нет. Завтра с утра и двинем. Главное – эту ночь продержаться. Завтра, надеюсь, эвакуация все же начнется? – обратился он к Нахимову.

Тот пожал плечами:

– Обещают...

– А обещанного три года ждут, – хмуро пошутил Николай. – Ладно, ладно, это я так... Все, готовимся к отбою! Максим, караульная служба на тебе. Организуй!

– Есть, командир, – серьезно сказал Рылеев. – Правда, бойцов-то у нас...

– Других не будет. – Ракитин встал. – И с оружием невесело, и патронов еле-еле. Значит...

– Значит, сделаем из того, что есть, – поднялся и капитан. – Тогда, возможно, и нам придется на часах постоять.

– Без проблем, – отчеканил Валерий. – На до – постоим.

Ракитин хлопнул ладонями по столу:

– На этом совещание считаю закрытым! Напоминаю: столовая у нас на третьем этаже, бабы там кашеварят – кто еще не ужинал, валяйте.

Люди малость повеселели, кто-то засмеялся... А Нахимов вдруг спохватился:

– Да! А где же Рябинин? Что-то я его не вижу...

И вновь профессора пришлось огорчить.

Игорь, потрясенный смертью брата, ушел в одну из квартир, лег на диван да так и не встал: лежит лицом к стене, не говоря ни слова и никак не реагируя на попытки расшевелить его.

– Ах ты, вот ведь незадача! – не на шутку расстроился Герман Львович. – Это ведь шок. Какие могут быть последствия?!

Николай знал какие – совсем ведь рехнется парень. Но причитать некогда, предстояла трудная ночь: в самом деле, прав Валера, надо продержаться до утра, а там уж как-нибудь...

Впрочем, ночь прошла спокойно. В жуткой тьме пораженного невиданным доселе оружием мегаполиса, конечно, слышались какие-то зловещие звуки – неясные стоны, отдаленный грохот и даже рокот моторов, а часовые видели из окон двадцатого этажа цепочки огней: похоже, двигались колонны техники. Что задумал, к чему стремился Рой?.. Этого люди не знали, тревога томила их.

Впрочем, когда рассвет озарил вымершие кварталы, все с облегчением вздохнули – худшего не случилось, а при свете дня уже не так страшно. И даже Тамара со Светой воспряли духом: всякая правда лучше неопределенности... Тут же началась подготовка экспедиции – Ракитин решил принять в ней участие лично, а командование лагерем возложил на Рылеева. Старшим же разведгруппы стал, естественно, Подольский.

Это было разумно. А кроме того, Николаю хотелось своими глазами убедиться, «живы» или «нет». И в глубине души он надеялся, что все же – да, живы.

3

Майор дошел до памятной развилки и коротко мигнул фонариком – стоп! Выждал, когда остальные подтянутся, замер, прислушиваясь. То же сделали трое спутников – застыли, выжидая, слушая темноту. Потом разом включили фонари.

Ракитин внимательно осмотрел стены – вот она, стрелка, указывающая путь, по которому ушли их пропавшие товарищи. Он показал жестом – вперед! Они двинулись в ответвление тоннеля.

Через каждые пятнадцать-двадцать метров виднелись знаки – те двое исправно оставляли начертанные мелом стрелки на стенках. Аккуратист Меркурьев знал свое дело. Майор был уверен, что это именно Леха оставлял метки – омоновец Миша Зверев не того сорта человек, попросту раздолбай.

– Куда же вы делись, чудилы? – чуть слышно прошептал Николай Ракитин. – Зачем поперлись в сторону?..

Он с удивлением вспомнил, что Алексей был стопроцентно уверен в своей правоте – мол, вот туда надо идти, словно его... да, словно его кто-то звал. Вот чертяка – он же не ошибался до сих пор ни разу, у него же Дар был. Леха чуял опасность за версту – ясновидец! Чего ж поперся хрен знает куда?!

Николай поймал себя на мысли, что скрежещет зубами. Ну да, мать-перемать, привязался он к бывшему журналисту... Не потому, что соседи они были по лестничной клетке – это тоже, конечно. Но в другом дело – Меркурьев стал как бы их талисманом или ангелом-хранителем. И вообще путевый он парень, этот Лешка! Да и Миша тоже молодец – конь с яйцами, язвы их обоих! Лишь бы не пропали, придурки! Лишь бы...

Так, уже тридцать метров вроде прошли, а стрелки-то закончились. Он поднял руку – в свете фонаря идущие вслед за ним заметили знак и остановились. Майор повернулся, поманил к себе Подольского, прошептал:

– Слышь, спецназ, стрелки кончились, я пройду вперед еще метров двадцать – если нет их и дальше, то возвращаюсь. Ждите меня здесь.

Тот кивнул:

– Есть!

Ракитин вернулся через пару минут, на вопросительные взгляды товарищей помотал головой – нет. Указал рукой – назад. Он дошли до последней стрелки, огляделись – ничего. Двинулись обратно. Вскоре в поле зрения показались скобы лесенки, ведущие к люку.

Молча, не сговариваясь, полезли наверх. Подольский пошел первым. Осторожно приподнял уже немного сдвинутый кем-то люк, огляделся – вроде чисто. Махнул остальным – можно. Сдвинул люк в сторону, выпрыгнул, откатился, занял оборону, поводя стволом автомата в стороны. Пусто.

Вылезли остальные. Тут же залегли, ощетинившись стволами.

Они очутились во дворе-колодце, плотно окруженном со всех сторон девятиэтажками. Здесь было сумрачно, лучи восходящего солнца пока не достигали этого места. И тишина, давящая на барабанные перепонки, а вместе с ними – и на нервы. Снайпер Подольский, самый зоркий из них, прищурившись, всматривался в подозрительную темную кучу в дальнем углу. Мать твою! – до него дошло. – Это же...

Он привстал на колено, целясь из своего оружия. Все повернули головы в ту сторону. Затем поднялись и пошли.

Ближе, еще ближе, стволы нацелены в грудь... грудь тел. Боже, так их тут целая рота – не меньше! Зомби! Все мертвые – мертвее не бывает. Почти у всех разбиты черепа, прострелена грудь. И многие – черт, да они поломаны как куклы!

– Срань Господня! – по-киношному ругнулся Штепа. – Это кто же из них сделал? Оба?..

Слободчиков хмуро глянул в его сторону, что-то заметил прямо по курсу, подбежал. К машине подбежал – «шестерка», вся искорежена. Рядом – тоже трупы. И асфальт весь в бурых, уже подсохших пятнах...

Где же ребята? Твою мать, где Меркурьев и Зверев?! Если они столько покروшили, то куда же сами-то делись?.. Капитан Слободчиков растерянно топтался на месте. Дальше не видно ничего и никого – ни трупов, ни следов, никого вообще. И врага не видно.

– Нужно прочесать округу, – глухо произнес подошедший Ракитин. – Может, еще найдем их.

Отвернулся, зачем-то отсоединил магазин, тупо глянул на блестящее тельце верхнего патрона, защелкнул обратно. Вот сука! Не надо было их отпускать – приказал и баста! Приказы командира не оспариваются и не обсуждаются. Развели демократию. Да нет – детский сад развели! Ясновидение, предчувствие... Предчувствие чего – смерти?.. Куда понесло вас, братишки?!. Горькая гримаса исказила лицо командира. Он повернулся к своим:

– За мной.

Все, включая формального командира группы Подольского, беспрекословно подчинились. Четыре фигуры в камуфляже, с оружием наперевес и с болтающимися противогазными сумками на поясе двинулись вперед.

4

Пропасть, гора. Падение, взлет. Вниз, вверх. Ух ты, круто! Только вот голова слегка кружится, оно и понятно – американские горки, блин!

Но – темно. Как у негра в ж... в брюхе. Ха! Он решил больше не ругаться, ведь он может скоро стать отцом. Какой пример даст дочери... А почему не сын. Нет, точняк, я уверен – дочка будет. Дочка?.. Так это...

Где?.. Где это? Что с ним такое? Где друзья, Леха, Тамара?..

– Где все?! – заорал он. Или подумал, что заорал.

Ох как плохо! Чертовы американские горки... гонки... Тошнит что-то. Хреново мне...

Это же...

Память урывками, толчками, багряными ошметками возвращала в прошлое. Что-то было, что-то такое... Был бой. Кровавая сеча... Да, он рвал врагов зубами и руками! Крошил их. А потом – потом он умирал. Весь поломанный, в кровище – своей и чужой, издыхая, на автомате полз к домам. Где когда-то жили люди.

Заполз в открытую дверь брошенной квартиры. Там зарылся в кучу тряпья. И – умер?
Нет! Не умер.

Не умер, не умер, не умер!..

– Я жив, суки! Жив! Ж-и-и-ив!..

Он раскидал тряпки вокруг себя. Извиваясь, попытался встать. Нету сил – вообще никаких. Как наколотая на иголку букашка. Только трепыхаться остается.

Багровые пятна перед глазами – мельтешат, тупой болью отдаваясь в голове. Мозги кипят – сейчас расплавятся. Треснет черепушка от избытка давления и вытекут мозги. Будет он ходить по белу свету пустоголовый. А будет ли ходить-то?..

Острая боль прострелила затылок, ушла к лобным пазухам и спустилась вниз, перехватывая горло спазмом. А потом спицей вонзилась в сердце.

Он закричал, и крик его постепенно перешел в рык, а после – в шипение. Тело выгнулось дугой, напряглось до предела – так, что затрещали позвонки. Затем рухнуло обратно. И тьма вновь поглотила его.

Но во тьме жили монстры. Они звали его к себе. Они... обещали – жизнь, силу, могущество. Нужно было только принять их в себя.

И он принял.

Вскоре с запыленного, захламленного пола поднялся тот, кто некогда был человеком. Лейтенантом городского ОМОНа Михаилом Зверевым. Но это было в прошлом. А сейчас на свет родился Монстр.

5

Когда-то у него была работа. И когда-то у него были друзья. А еще у него была любовь. Все это было – когда-то, не так давно. Это можно было вернуть – не все, но кое-что. Например, любимую и друзей – тех, кто еще остался жив. Но вот стоило ли оно того?..

Кем бы он вернулся к ним? Он уже не совсем человек, не только человек, а кто-то еще... В нем жил Рой, его частичка. Тысячи, сотни тысяч, а может, миллионы нановитов населяли его организм. Но они, эти крохотные и, как видно, обладающие разумом существа, теперь полностью подчинялись ему, они потеряли связь с Роем. Да, отныне они часть не Роя, а его часть. Его, Алексея Меркурьева – бывшего журналиста, научного обозревателя областного еженедельника. Ставшего бойцом и прошедшего если не все, то многие круги ада.

И сам он отныне уже не человек, но и не зомби, управляемый Роем. Он – Третий. И жить ему вот так: вне людей, в борьбе с Роем. Рой и он – вечные, заклятые враги. Примирения между ними нет и не будет.

У него есть стимул жить – ради уничтожения Роя. Есть и цели, и задачи. Самая первая – это разгадать тайну пирамид, которые Рой возводил из трупов зомби. Интуиция подсказывала ему, что наибольшая опасность сегодня исходит именно от пирамид.

Меркурьев нашел убежище в одном из корпусов санатория «Белая роща». Обезлюдивший санаторий как нельзя лучше подходил для его временного затворничества. Здесь имелся ледник, в котором Алексей нашел продукты – вполне пригодные в пищу. Он нуждался в передышке – чтобы многое осмыслить и принять решение, как жить дальше. И вскоре он его принял.

Настала пора действовать...

6

Группа Подольского вернулась ни с чем. Три офицера и сержант обшарили все окрестности того квартала, где разразилась последняя битва их друзей, но, кроме изувеченных трупов

зомби, не обнаружили никаких следов. Правда, Штепа нашел вдрызг исковерканный автомат «Абакан» – именно такие были у Зверева и Меркурьева, но теоретически это оружие могло оказаться в руках Роя, точнее, кого-либо из его человекотеней. Между прочим, четверо мужчин, все матерые вояки, не додумались, что же могло так порвать хорошую качественную сталь. Разве что прямое попадание снаряда – но не похоже, да и стрельбы артиллерийской как будто не было... Так и не решили загадку.

Меж тем перевалило за полдень, солнце палило свирепо – и всем стало ясно, что торчать здесь дальше бесплодно. По крайней мере, сейчас. Тяжело признавать это, но... Там, в Башне, женщины и дети, им нужны помощь и защита.

Николай вздохнул.

– Ну что, друзья-однополчане... – фразу он не закончил, да и нужды в том не было. Все понимали, что к чему. Пора на базу, и лучше через знакомое подземелье. Пока, правда, тихо, но ведь только пока...

Обратный путь четверка смельчаков проделала гораздо быстрее: опыт есть опыт, долг есть долг – их ждали, на них надеялись, и подводить тех, кто надеется и ждет, никак нельзя.

Ну, а пропавшие товарищи... Все четверо думали о них, и каждый по-разному. Но было в этих разных мыслях одно общее: понимая, что по всему надо бы с Лехой и Мишкой проститься, мужики делать это не спешили. Кто знает?.. Человек всегда хранит в себе надежду, даже если понимает, что ее не может быть. Хранить и понимать – вещи разные.

Но утешение в том небольшое. Таким же слабым, а вернее, никаким оказалось оно и для остальных, а Свету итог экспедиции просто подкосил. Она ждала возвращения разведчиков, ощущая свое право на чудо, и крушение этого права стало невыносимо горьким.

...Мать с дочерью укрылись от посторонних глаз в одной из квартир, дочь уткнулась в грудь матери, дав волю рыданиям. Тамара Викторовна обнимала, утешала, сама прослезилась – и, конечно, сердце ее горько болело за родное свое дитя.

Относительно же себя перезрелая Афродита испытывала сложные чувства. Да, что уж там, близость с напористым омовцем случилась неуместно оглушительной и ослепительной: взрыв, полет наяву – никогда прежде в жизни Тамары Викторовны не было ничего похожего. Но что там еще? Любовь?.. Честно смотря в себя, она признавала: ну какая там любовь? И сильной горечи и потрясения оттого, что Зверев пропал, она не испытала. Может, это нехорошо, но что уж тут перед собой юлить. Нет этого – и хоть ты тресни.

Впрочем, бог с ним, не это главное. Главное – Тамара как будто стала ощущать в своем организме нечто, казалось бы, давным-давно забытое, что последний раз было по случайному залету лет пятнадцать тому назад. С тех пор женщина следила за этим очень бдительно и ничего подобного себе не позволяла. И вот – получите, сударыня...

Конечно, это было только первое смутное предчувствие, и Тамара молчала как рыба: ни слова даже дочери. Но она знала, что эти предчувствия не врут.

7

Направленное для эвакуации подразделение спецназа проникло в город со стороны все того же перекинутого через реку моста, по которому двумя неделями ранее прошла автоколонна с учеными и охраной, а еще раньше – рота химвойск. Был и еще один мост – Северный, автомобильный. Но, чтобы добраться оттуда до места назначения – Башни, пришлось бы преодолеть вдвое большее расстояние по улицам, кишашим агрессивными существами. Поэтому решили не искушать судьбу и пройти привычным маршрутом.

Миновав кордон, в город въехали без приключений. Так же без проблем добрались до Проспекта. На этом везение закончилось.

Ехавший в переднем бэтээре дюжий лейтенант с шевроном «Витязя» на левом рукаве, что говорило о его принадлежности к элитному отряду спецназа внутренних войск, воскликнул:

– Оп-па! А это что за крендель по курсу?..

Командир подразделения, майор в камуфляже без особых знаков отличия, – просто все знали, что он майор, а еще помнили, что так обычно экипируются спецназовцы-грушники, – протиснулся вперед, вглядываясь в смотровой люк.

– Стоп, машина, – тихо скомандовал он.

БТР встал, а за ним и вся колонна.

Командир поднес рацию к губам:

– Всем быть наготове! «Рысь» прикрывает тыл.

– Что там, старшой? – прохрипела рация голосом заместителя командира из замыкающей машины.

– Человек впереди, – пояснил тот, – возможно – противник.

Метрах в двадцати от них, рядом с кучей железобетонных блоков, приготовленных для так и не состоявшейся стройки, и впрямь маячила внушительная фигура в неопределенного цвета и фасона комбинезоне. Метра два, не меньше – на глазок определил рост незнакомца майор. И плечи широченные – в обычный дверной проем явно не пролезет мужик... Оружия в могучих ручищах вроде не наблюдалось.

Все тридцать человек эвакуационного отряда прекрасно знали, с чем, а точнее, с кем они здесь могут столкнуться. С кем придется вести бой. Рассчитывали на короткий огневой контакт, не более того, надеясь на неслабое вооружение обеих бронемашин – в особенности БРМ «Рысь». Плюс автоматы, ПКМ, гранатометы и несколько «Шмелей». Задача была ясна как божий день: в серьезные сражения не вступать, по-быстрому добраться до Башни, забрать всех оттуда и так же быстро валить обратно. Они не чистильщики, а спасатели.

Если попадут в засаду, грамотно обойти либо прорываться с боем, но не увязая в нем. И постоянно быть на связи – с командованием и группой Нахимова. Последний сеанс связи был как раз за пять минут до этого: ученые и все, кто с ними, уже подготовились к отбывке на... как они это называли? ах да – на Большую землю. «Вот, блин, – мимоходом подумалось майору, – прям как в Великую Отечественную – Большая земля, Малая земля...»

Этот тип, преградивший им путь, был словно какой-то Терминатор. Майор приник к перископу, пригляделся, увеличив изображение, – на зомби вроде тоже не похож. Хотя этих самых зомби он видел лишь на снимках, полученных беспилотником.

Так кто же он и что ему нужно?..

Майор уже хотел было отдать приказ своим, чтобы одно отделение сгрузилось и двинулось к громадному мужику, но тот вдруг наклонился и...

– Чего это он? – удивился также наблюдавший за ним лейтенант.

В следующее мгновение потрясенные вояки увидели, как этот чувачелло (человек ли?!) ухватил блок весом в полтонны и с дикой силой швырнул в них.

Огромный кусок бетона пушечным снарядом пролетел двадцать метров и врезался в передок бэтээра. Страшный удар потряс корпус тяжелой машины. Глыба разбилась на мелкие осколки, но и бронетранспортер отлетел назад, врезавшись в стоявший за ним «Урал» с такой силой, что смял тому капот и повредил радиатор.

– ...Мать! – крикнул лейтенант. – Да что это за тварь?!

Сидевшие в кабине грузовика солдаты остались целы, хотя эффект от столкновения был сродни контузии. В бэтээре тоже обошлось без жертв – расквашенные носы и разбитые затылки не в счет, ладно, хоть все были в брониках и защитных шлемах.

Оглушенный командир быстро пришел в себя, нахлобучил на голову шлемофон и стал командовать:

– Третье и четвертое отделения – вперед! Первое и второе – рассредоточиться и охранять периметр.

Он приказал башенному стрелку взять врага на прицел. Боец развернул спаренную со стомиллиметровым орудием пушку-тридцатку, но майор крикнул:

– Отставить пушку! Использовать пулемет.

Боец послушно прицелился в противника из крупного калибра. На этом броневике вместо стандартного ПКТ калибра 7,62 установили 14,5-миллиметровый ПКВТ. Такой и кирпичную стену прошибет, а уж человека разорвет на куски – за не хер делать...

Тем временем чудовищный мужик потянулся к еще одному, лежащему неподалеку блоку.

– Огонь! – Майор решил не дожидаться второго броска монстра.

Стрелок только этого и ждал – загрохотал, изрыгая пламя и раскаленные куски металла, крупнокалиберный пулемет. Две длинные очереди на искось прошлись по врагу. Тот задержался под пулями и рухнул навзничь.

– Готов... – хрипло не то спросил, не то констатировал лейтенант.

Но мужик стал подниматься.

– Едрит твою налево! – почему-то шепотом выругался командир.

Заработала связь – взволнованный голос командира боевой машины в арьергарде колонны сообщил, что с тыла появился новый противник.

Майор моментально развернул перископ, прильнул к окуляру: точно, сзади наступала неорганизованная толпа, вооруженная чем попало – в основном обрезками труб и металлическими прутьями.

– Это зомби, – уверенно заявил он. – Огонь на поражение!

«Рысь» вдарила из всех своих стволов – заработали пулеметы, затем бойцы боевого отделения жахнули по врагу из пушки. Толпа зомби рассеялась, множество неподвижных тел осталось лежать на дороге.

– Враг справа! Враг слева! – раздались тревожные выкрики.

Со всех сторон колонну атаковали зомби. Их было много, слишком много даже для такого до зубов вооруженного элитного отряда, как их спецподразделение.

Но тут...

Но тут мужик-монстр взревел и ринулся на толпу зомби слева от себя. Он, словно атомомоход «Ленин» во льды, врубился в нестройные ряды врагов и принялся крошить их налево и направо.

Майор повидел немало рукопашных схваток, во многих и сам участвовал, но такой бойни еще не видел. Этот Геркулес попросту рвал тела супостатов, ломал им грудные клетки, свертывал головы, как цыплятам, переламывал хребты...

Не прошло и минуты, как с одним отрядом зомби было покончено. Монстр победно зарычал и кинулся к другим. Мелочиться не стал, а просто с разбегу перепрыгнул застывшие машины спецназовцев. Будто Бэтмен какой-то!

Командир машинально сорвал с себя шлем, пошевелил губами в немом изумлении, затем опомнился, схватил шлемофон, быстро надел его и скомандовал:

– Взять грузовик на буксир! Первое и второе отделение – обеспечить прикрытие.

Когда все было сделано – тросом подцепили разбитый «Урал» к переднему бэтээру, майор прокричал:

– Вперед! Пусть это зверье тут друг друга мочит.

Моторы взревели, и колонна устремилась вперед, оставив монстра разбираться с зомби.

Весь оставшийся путь лейтенант не по-уставному травил байки – сказывалось нервное напряжение. Командир его не останавливал...

Вскоре они прибыли на место.

Глава 2

1

Радость всегда приходит неожиданно – даже когда ее ждешь. И это хорошо.

Матросы экспедиции Колумба ждали появления земли как манны небесной, и все-таки крик впередсмотрящего с мачты «Вижу землю!» стал приятной неожиданностью для людей, два месяца болтавшихся в открытом море... Вот и для осажденных в Башне крик «Вижу колонну!», означавший вызволение из ада, грянул, как ливень в пустыне.

А часовым в этот момент был не кто иной, как сам «главнокомандующий» – майор Николай Ракитин. Караульную службу несли все поголовно, и командир никаких привилегий для себя не делал.

Он находился на балконе, откуда просматривался в обе стороны почти весь Проспект. К пустоте и безмолвию города он успел привыкнуть, но эта привычка не избавляла от постоянного напряжения. Что будет через час? Через пять минут, через секунду?.. Тревога не оставляла майора – и на посту, напротив, обострялась. Особенно обидным казалось нарваться на неприятности именно сейчас, когда до спасения рукой подать.

И в этот миг с южной стороны ударила пулеметная очередь. Николай замер. Слух различил неясный грохот, а затем хриплый рев, смазанный расстоянием, но такой, что противный холодок пробежал по спине...

Вновь застучал далекий пулемет. Затем пару раз вдарили из чего-то более существенного.

Вероятно, все это происходило в начале Проспекта, за поворотом. Не надо быть Нострадамусом, чтобы догадаться: группа, посланная на выручку, попала в засаду и пробивается сюда сквозь орды зомби. Николай скрипнул зубами: а вдруг не пробьются, вдруг так и полягут в бою?! Что тогда?..

На этот вопрос ответил БТР диковинной конструкции – с орудийной башней как у бээмпэшки: он вырвался из-за поворота, за ним грузовик и еще грузовики, замыкающей какая-то бронемашина на гусеничном ходу – целая колонна на всех парах мчалась сюда. Сюда! К нам!..

На радостях командир чуть было не пальнул в небо, но вовремя спохватился. «Дурак!..» – весело ругнул он себя и метнулся в подъезд.

– Вижу колонну! – гаркнул Ракитин в лестничный пролет.

Крик гулко раскатился по площадкам, кто-то из бойцов услышал, подхватил... и через пару минут все были во дворе, позабыв про осторожность, – ну тут уж и отцы-командиры не стали придирааться.

Да и колонна, слава богу, тут как тут. Передний бэтээр, лихо развернувшись, тормознул перед баррикадой. Верхний люк распахнулся, из него выпрыгнул здоровенный парень в армейском камуфляже и разгрузке.

– Здорово, народ! – завопил он так, как бывает с людьми оглохшими или слегка контуженными. – Ну, блин, и дела тут у вас! Не видал бы – хрен поверил!..

– Спокойней, лейтенант, – осадил его военный постарше, выбравшийся из машины следом. – Поменьше эмоций.

Это был майор, старший группы. Ракитин к этому моменту успел спуститься, два майора приветствовали друг друга крепким рукопожатием.

– Ну, – сказал прибывший, – дела и вправду жесткие, так что грузитесь разом да поехали... Кто тут у вас профессор Нахимов?

Ракитин вмиг нашел взглядом седовласую голову:

– Герман Львович!..

Спецназовец козырнул маститому ученому:

– Здравия желаю. Насчет вас имею особый приказ... – и вкратце изложил то, что все, в общем-то, и так знали.

Ракитин повернулся к Рылееву:

– Капитан, начинайте погрузку! Слушай, – сказал он майору, – давай-ка отойдем на пару слов...

Отошли в сторону, Николай показал на юг:

– Это вы сейчас там воевали?

– Ну а кто же! Лейтенант прав: если бы своими глазами не видел... Нас, правда, на материке предупреждали насчет этих зомби, но чтобы такое!.. – И майор поведал о мужикемутанте, швырявшем блоки весом в пятьсот кило, как мячики.

Ракитин напрягся.

– Постой, – прервал он этот рассказ. – Вот здесь подробнее.

Майор изложил подробно, как выглядел верзила, во что был одет, перечислил кое-какие детали – и по ним Ракитин стал все более утверждаться в нехорошей догадке...

– Значит, говоришь, стал всех этих тварей крошить?

– Не то слово! В ключья – что твой Илья Муромец.

Николай задумался. Черт возьми! Неужели это Мишка Зверев? Превратился в зомби... Ну, от этого, конечно, никто не застрахован, но если он стал одним из них, то стал каким-то особенным – молотит всех, кто под руку попадет? Что же это значит? Рой не единая сущность, и в нем начались разброд и шатания... Так что ли?

Ракитин почувствовал, что сейчас ему этой загадки не разгадать. Но и других будоражить мутными слухами не хотелось.

– Слушай, – сказал он собеседнику, – ты нашим об этой истории – ни гу-гу. И своих предупреди, чтобы не трындели. Нечего страхи сеять! Нам еще выбираться отсюда.

Офицер кивнул:

– Верно. Пойду лейтенанту скажу, его от шока словесный понос пробил. А остальные-то мои ребята, они как рыба об лед.

Он ушел, а Николай вновь погрузился в тягостные думы... но что здесь еще выдумать! Это надо увидеть своими глазами, тогда и вывод делать.

Майор Ракитин вздохнул и молвил свое:

– Ладно! Что будет, то и будет.

2

Тамара Викторовна была женщина неглупая – отчасти потому, что наблюдательная. Видя со стороны беседу двух майоров, она по лицу Ракитина догадалась, вернее, даже не по лицу: какое-то шестое чувство подсказало ей, что разговор идет о пропавших. Возможно, стало известно что-то новое...

Сердце защемило: хороших вестей Тамара не ждала. Ну, о себе-то она не переживала, а вот о дочери... Влюбилась девчонка по уши, что же тут поделаешь. А если так, то надежда будет светить ей, что бы ни услышала она о своем возлюбленном. Только вот жить с такой надеждой – тяжкий, ох какой тяжкий груз...

Николай Ракитин словно подслушал эти мысли. Он глянул вправо, случайно столкнулся со взором Тамары и прочел в нем многое. Оба прекрасно поняли друг друга.

Ни слова об этом! – сказала себе женщина.

Погрузка меж тем продолжалась. Подгонять никого не требовалось, все действовали быстро, слаженно, загрузили в первую очередь раненых, потом женщин с детьми, потом всякие пожитки... вскоре все было готово.

Подольский работал наравне со всеми, не забывая о том, что это последние минуты вместе. Вот и пришла она, разлука... Грустно? Да черт его знает. Валерий не любил заниматься самокопанием. Но то, что на Большую землю он не вернется, – сто пудов. Он там чужой.

Он выпрямился, взглядом подозвал Штепу. Тот подбежал:

– Сержант Степанов по вашему приказанию...

– Я не приказывал, – пошутил Валера, но тут же стал серьезным: – Ну что, Денис, ты хорошо покумекал? Подумай еще!

Разговор на эту тему меж бээсниками состоялся уже здесь, в Башне. Решили единодушно: на материк не вернемся. Никто и ничто нас там не ждет, кроме срока, который придется домагивать. В крытку и на зону больше никто не хотел. Так что лучше такая воля – с зомби по соседству, чем очередная ментовская зона. Воевать они умеют, так что, глядишь, продержатся до тотальной зачистки. А там... ну, придумают что-нибудь. Страна большая, а умению скрываться от всех и каждого их учили. И учили хорошо...

– А чего думать? – осклабился Денис. – Я с тобой, командир! Где ты, там и я.

– Ладно, – Подольский кивнул. – Ребята, я так понимаю, тоже?

– Йес, оф кос!

– Ладно, – повторил Валерий. – Пойдем доложим начальству.

Ракитин все понял с полуслова.

– Догадывался, – усмехнулся он. – Ну, что я... Дело ваше, мужики. Жратву, оружие, патроны – забирайте! И майора надо просветить, чтоб сюрпризов не было.

Майор, узнав об их решении, сперва нахмурился: его дисциплинированной душе оставлять здесь ораву эков, да еще волков-спецназовцев, было не по нутру. Однако он сознавал, что заставить их не сможет, а действовать силой... нет уж, себе дороже.

Помог Нахимов.

– Послушайте, майор, – заявил он, – я беру всю ответственность на себя. Группа капитана Подольского может быть очень ценным источником информации, поэтому я настаиваю на его решении. Более того, приказываю оставить им мощную походную рацию с запасом питания, а также боеприпасы по максимуму... Я верно понимаю ситуацию, капитан?

– Абсолютно. – Валерий улыбнулся благодарно.

– Есть. – У майора груз с души свалился. На материке его предупредили: все, что скажет ученый дедушка, выполнять беспрекословно. Даже если тот велит подтирать ему задницу после похода в сортир.

Нахимов придвинулся к Подольскому и тихо произнес:

– Ищите Алексея, капитан. Прошу вас – найдите...

Тот молча кивнул.

Вдруг выступил Игорь Рябинин, до того отрешенный, как лунатик:

– И я с вами! – рванулся он к спецназовцам, но Нахимов вновь решительно вмешался:

– Нет! Господа военные, этот молодой человек малость не в себе после смерти брата, но это перспективный ученый, он совершенно необходим нам...

Дюжие руки подхватили Игоря и без церемоний вбросили в кузов «Урала».

– Ну, мужики, – повернулся Николай к бээсникам, – мы с вами не Ромео и Джульетты, сантименты напоследок разводите не будем... Удачи вам! Может, когда еще и свидимся.

– А то! – рассмеялся Штепа. – Даже не сомневайся, майор.

3

Командир спасательного отряда залез в головной бэтээр, включил рацию, настроился на нужную частоту:

– Центр! Вызываю Центр! На связи Эвакуатор. Как слышите? Прием...

Вскоре рация ожила:

– Говорит Центр. Слышу вас отлично, Эвакуатор. Доложите обстановку.

– У нас все по плану. «Груз» упакован. Готовы к возвращению. Но были кое-какие проблемы. Можете обеспечить поддержку с воздуха?

На какое-то время рация замолкла. Майор ждал, барабанил пальцами по приборной панели. И вновь раздался далекий голос:

– Эвакуатор, высылаем вертушку. Расчетное время прибытия – пятнадцать минут. Как поняли?..

– Понял вас, Центр. Мы немедленно выдвигаемся. Маршрут прежний...

– Ясно. К встрече готовы. Конец связи.

Майор надел шлемофон и зычным голосом скомандовал:

– Все по машинам! Вперед, гвардия!..

Взревели моторы, и отряд двинулся в путь. Двадцатидвухтонный бронетранспортер впереди, затем караван грузовиков с людьми и замыкающей – «Рысь», хищно оцетинившаяся стволами орудий и пулеметов.

Колонне удалось успешно миновать половину пути, когда появилась обещанная поддержка с воздуха. Над Проспектом в самом его начале завис военный вертолет «Черная акула». Винтокрылая боевая машина была готова по мановению руки пилота-стрелка рассеять и испепелить все вражеское внизу. Но на сей раз этого не потребовалось: на ближних подступах виднелись лишь искромсанные тела недавно убитых врагов. Их было до неприличия много. И никого живого в округе – за исключением покидающих Зону людей.

Спустя четверть часа отряд благополучно достиг первого блокпоста заграждения. Там их приняли в свои дезинфекционные объятия служащие войск РХБЗ. Всех, включая и спасителей-спецназовцев, определили в карантин.

4

За колонной следили не только с Большой земли.

Стоявший на крыше девятиэтажки человек в спортивной майке и потертых джинсах мог легко различить даже выражения лиц сидевших в машинах людей. Сам же он за дальностью дистанции оставался невидимым.

Это был Алексей Меркурьев.

Он изменился. С лица исчезла прежняя интеллигентская мягкость, оно как-то заострилось, рот был плотно сжат, глаза – как два пистолетных дула. А силы в себе он ощущал невероятные. Когда он был обычным человеком, журналистом со специализацией по всяким необычным феноменам, он ни за что бы не поверил, Расскажи ему кто-то, что такое может быть. Но теперь...

Теперь у Меркурьева появилась, кроме прочих, и такая способность – многократно увеличивать изображение объектов, приближая его безо всякой оптики. Как и видеть в темноте.

Он, конечно же, узнал знакомые лица в кабинах грузовиков: майор Ракин, капитаны Слободчиков и Рылеев, те, кто остался в живых после памятной бойни. Их увозили отсюда – и это было правильно. Значит, и его Светлана с маман в придачу тоже покинет столь негостеприимное место. Если так, то теперь он будет спокоен.

В ту же секунду острая боль кольнула истрадавшееся от разлуки сердце. Как бы он хотел снова увидеть ее, обнять, перехватить улыбку на устах и в ответ тоже расплыться в улыбке, пусть и выглядя при этом глупым мальчуганом...

«Моя девочка!» – прошептали губы. Он крепко зажмурился, а когда открыл глаза, машин уже и след простыл. Лишь вдали слышался рокот вертолета.

Алексей снова расфокусировал взгляд, вернув его в привычное состояние. Хорошая способность! Была и еще одна – не при дамах будь сказано. Теперь он испражнялся совсем не так, как раньше, – очень редко и мало.

Если не на раз, так на два Меркурьев догадался, в чем тут, собственно, дело. Населяющие его нановиты превосходно справлялись с функцией глубокой очистки потребляемой воды и пищи. Все ненужное и даже вредное для организма удалялось целиком, надежно отделенное от полезного. А клетки желудка и кишечника вкупе с разными ферментами, подгоняемые и усиленные нановитами, подвергали полной утилизации все, что отправлялось в рот. Такое ощущение, что и жевать-то теперь необязательно – все равно все переработается до мельчайшей молекулы. Потому пищи да и воды отныне ему было нужно совсем мало. Экономия, мать ее ети! Всем бы так – уже давно при коммунизме бы жили! В обществе счастливых и всем довольных граждан.

Но до счастья ныне – как до Луны... или даже до Юпитера. Скоро самих землян сожрут твари размером с ту же самую молекулу...

Ладно!

Он перешагнул бортик крыши, спрыгнул вниз... и приземлился на ближайшем балконе. Перелез через перила, снова прыгнул – и вот он уже этажом ниже, на другом балконе. Еще прыжок и еще... В таком ускоренном темпе он спустился вниз – за какие-то полминуты. Впрочем Меркурьев чувствовал в себе силы поболее – мог запросто спрыгнуть сразу на несколько этажей вниз.

Нет, не человек он уже – в привычном понимании. Так что лучше не встречаться с прошлым и с дорогими ему людьми. Он для них чужак. И для Светы тоже...

Но отчего же сердце нет-нет да заноеет?..

5

Еще не рассвело, а Валера Подольский уже был на ногах – осматривал разложенный в комнате боекомплект их группы. Цинки и коробки с патронами, снаряженные магазины, гранаты отдельно, стволы – собранные, смазанные, начищенные... Он сдвинулся к краю длинного стола, где покоились «калаши» и «абаканы». Взял в руки «драгуновку», поднес ее к лицу и любовно погладил.

СВУ тоже неплоха, а «Винторез» хорош на близких дистанциях. Но СВД – королева! А он – ее король...

Будет еще для нее работа – снайпер это нутром чувствовал.

Валера выглянул в коридор, свистнул находящемуся неотлучно при нем ординарцу Штепе:

– Общий сбор!

Когда в комнате собрались семеро немаленьких мужиков, облаченных в камуфляж и разгрузки, командир обвел всех внимательным взглядом и заговорил:

– Вы думаете, мы остались здесь потому, что там нас никто не ждет? А если ждут, то – чтобы опять закрыть?.. Если вы так думаете, то в целом правы. Но мы здесь не только из-за этой херни – на нас еще кой-какой должок висит. Нам забашляли – провиантом, боеприпасами, оружием, а главное, нас оставили в покое. Но есть еще долг священный – выручать из беды боевых товарищей, братьев по оружию. Мы спецназ! – Он помолчал, давая бойцам почувствовать серьезность момента, затем продолжил: – Каждый из нас в прошлом спецназер –

офицер или боец, армеец или внутряк. Но, как я уже говорил однажды: не бывает спецназовца в прошлом. Это – в крови. И наша первейшая обязанность – найти Леху с Мишей, а если не удастся разыскать живых, так их следы или... останки. Ну а главная задача – остаться в живых и по мере сил и возможности отстреливать этих гадов. Кто знает, возможно, мы – единственные люди в Зоне. Может быть, и последние...

Он замолк, вытер вспотевший лоб – все-таки не спец он по толканию речей, – затем скомандовал:

– Но не будем о грустном. Разобрать оружие и боекомплект! Подготовиться к вылазке. Будем прочесывать южные кварталы. Выступаем через десять минут.

Спустя четверть часа группа вооруженных людей в городской камуфле цепочкой потрусила вдоль домов Проспекта – в сторону Старого города и реки. Впереди двухметровая фигура сержанта Степанова по кличке Штепа, сразу за ним командир – капитан Подольский по прозвищу Валера-убийца, следом пятеро бээсников из ментовской зоны.

Двигаться старались по возможности скрытно, держась в тени зданий. Когда добрались до начала Проспекта, командир подал знак остановиться и осмотрелся. Подошедший Штепа легонько тронул его за рукав:

– Слышь, командир, а куда зомби-то подевались? Тут же трупиков должно быть навалено немерено...

Подольский помассировал заросший щетиной подбородок, подумал, покачал головой:

– Вопрос! Должны – но ведь нету. Значит, успели унести.

Сержант удивленно глянул:

– Куда это – унести?..

На этот счет у Валеры была одна мыслишка – он вспомнил странные пирамиды из трупов, возведенные Роем на ментовской зоне. Может, опять чудят братья по разуму?..

Когда остальные бойцы подтянулись к ним, капитан отдал приказ:

– В бой по возможности не вступать. Если не прокатит, отстреливаемся из всех стволов и рвем когти. – Он еще раз огляделся: – В прошлый раз мы от места вылазки двигались в сторону моста. Теперь будем прочесывать в направлении Белой роши.

Штепа хмыкнул:

– Тут ведь неподалеку наша база бывшая...

– Вот и славно. Заодно проверим, что там к чему... Смотреть в оба! За мной!..

Так же гуськом они двинулись дальше.

6

Решив действовать, Меркурьев первым делом навестил заброшенную теперь базу МЧС, где недавно разыгралось настоящее сражение с нелюдьми. Были у него кой-какие догадки. И они подтвердились.

Когда он ночью скрытно проник на территорию погруженных во мрак складов МЧС, в глаза сразу же бросились возвышающиеся посреди обширного двора три темные пирамиды. Как и в прошлый раз, сложены они были из мертвых тел – вперемешку зомби и люди.

Он смотрел из темноты и пытался понять: на кой ляд Рой воздвигает эти чертовы пирамиды смерти?!

Но ответа не было.

На мгновение возник заманчивый импульс – уничтожить всю эту лабуду. Но он тут же отогнал его. Нельзя! Нужно ждать... ждать и наблюдать, что из всего этого получится – сгниют трупы, превратившись в разложившуюся массу, кишашую нановитами, или... все же прав был Игорь Рябинин, предположивший, что пирамиды эти – своеобразные реакторы, в которых будет возникать что-то новое. Нужно Рою...

В следующее мгновение Алексей напрягся: внутренний радар уловил присутствие чужих – не людей. Это были зомби – никаких сомнений.

Он осторожно попятился назад, растворившись в ночной мгле. Встал за широкий ствол раскидистого дерева, слился с ним. Вскоре на территории базы появились тени. Одна, две... он насчитал два десятка полуразумных существ. Они размеренно шагали вдоль здания складов, словно охраняли свои постройки из мертвечины... А почему бы и нет? Рой приказал сторожить. Вот и сторожат. Но скорее это лишь, так сказать, караул, основные силы где-то прячутся.

Меркурьев заметил в руках у них огнестрельное оружие. Да, пользоваться им эти твари умеют – в этом все, кто выжил, уже убедились... А кто не выжил... Ну, смерть – не самое худшее, что с ними могло произойти.

«Отдыхайте пока, земляки! – усмехнулся про себя Алексей. – Я еще наведаюсь к вам в гости...»

7

За годы службы, тюрьмы, а потом и за недели пребывания в этом аду Валерий Подольский разучился удивляться. Но здесь и его проняло: трупы исчезли с места разыгравшейся драмы. Во дворе-колодце теперь было пусто, как и на улице, ни одного тела.

– Вот ведь твари! – заскрипел зубами капитан. – Неужели опять взялись за свое?..

В следующую секунду он отогнал эту мысль и стал думать об основной задаче – попытаться найти пропавших без вести. Хоть какие-нибудь следы, хоть малейшую зацепку...

Спецназовцы рассредоточились по обеим сторонам улицы. Начали работать: проверяли каждый подъезд, каждую подворотню. Пусто, везде пусто – даже монстров этих не видать, к счастью! Только брошенные вещи, побитые стены, осыпавшиеся стекла – редко где уцелевшие встречаются. Многие двери квартир в подъездах выломаны. Видно, кто-то мародерствовал – масштабно, с размахом. Только вот что и куда они унесли?.. И что стало с самими мародерами? Ясен перец – армию зомби пополнили. Стали Роем, его частью.

Валера прислушивался к каждому шороху, подмечал вокруг любые детали и даже принимался к окружающей его обстановке. Но ничего, кроме легкого ветерка, шелестящего мусором да листвою не в меру разросшейся зелени, он не слышал. Да и не пахло ничем – разве что ароматом начинающей зацветать липы. Людей нет – и вонять тоже некому.

Капитан отметил про себя, что город нынешним летом сильно зарастет: никто не косил траву на газонах и лужайках, не подстригал кусты в палисадниках и парках, не подрезал деревья в садах и скверах. Пара-тройка лет – и буйная растительность захлестнет город и пригороды. Если только к тому времени отряды зачистки не выжгут все вокруг подчистую...

Через пару часов они вышли к двухрядной шоссе, ведущей к микрорайону Белая роща. Дорога была частично занесена пылью и мусором, по обочинам – сплошные заросли лопухов и подорожников. И вела та дорога напрямик к очагу распространения заразы – к биологическому институту, на месте которого теперь зияло пепелище.

Командир притормозил, подумал и отдал приказ двигаться в сторону бывшей базы их некогда многочисленной группировки. Свернули в сторону и, растянувшись цепью, углубились в застройку. Пройдя частный сектор, вышли на дорогу, ведущую к складам МЧС.

Подольский подал знак – сворачиваем в лесопосадку.

Следопыты со всеми предосторожностями приближались к цели. За пятьдесят метров до объекта группа остановилась и рассредоточилась. Пятеро пошли вперед, двое остались их прикрывать. Когда подошли поближе, стало видно, что ни покореженной и обгорелой техники перед воротами, ни самих ворот не наблюдается. Проезд был чист.

Командир огляделся, выбрал дерево крепче и повыше и полез, ловко карабкаясь, наверх. Достигнув нужной высоты, он достал бинокль, приник к окуляру.

Двор был пуст. Опять же все строения, кроме самого здания складов, были разобраны по кирпичику – караульное помещение, гаражи, временные казармы... Ничего не осталось. Куда-то уволокли даже многотонные железобетонные блоки, преграждавшие ранее путь нападавшим, равно как отогнали оставшиеся без нужды обе бронемашины и гусеничный трактор. И... ну так и есть: долбаные пирамиды красуются – прям посередине двора!

Подольский спустился вниз, поманил за собой Штепу. Они проскользнули к стене и осторожно двинулись вдоль нее к открытому въезду на территорию складов. У самой кромки бетонного забора они поползли. Остальные бойцы залегли у обочины дороги.

– Думаешь, они отсюда слиняли? – прошептал сержант.

– Нет, не думаю, – так же шепотом ответил капитан. – Они где-то рядом, возможно прячутся, устроили засаду.

– Но откуда они?.. – начал было Штепа, но, увидев, что командир приложил палец к губам, тут же смолк.

Они оба замерли, вслушиваясь в тишину. И через пару мгновений услышали звук, совсем не похожий на естественный. Словно кто-то тонко подвывал. И доносился этот звук со стороны здания, которое их товарищи когда-то в спешке покинули, предварительно заварив все двери. Но там сейчас явно кто-то был. Если не люди, то кто? – вопрос явно риторический.

– Ветер?.. – одними губами обозначил вопрос напрягшийся сержант.

Командир мотнул головой: мол, ты ведь и сам не веришь в эту хрень. Хотя, конечно, всякое бывало в его насыщенной боевыми событиями жизни – и ветер порою выделял такие штучки-дрючки, что волосы дыбом вставали...

– Все, валим отсюда! – Капитан ужом скользнул обратно, в заросли лесопосадки.

Спустя минуту вся группа быстро удалялась от этого гиблого места.

Глава 3

1

Три фигуры сгорбились в ночи перед оградой из металлической сетки. Сидели молча, выжидали, до боли в глазах всматриваясь в темноту за оградой. Эта темнота время от времени освещалась скольльзящим по ней ярким лучом прожектора.

С той стороны ощутимо несло гарью. Оно и понятно: солдаты выжгли все насаждения – целую полосу шириной в полкилометра. Дальше не пошли – начинались пригородные участки, и приказа проникать в город не было.

– Под напряжением? – шепотом поинтересовался один из лазутчиков, коротко стриженный парень в джинсах и куртке цвета хаки.

– Нет, – односложно ответил тот, что выглядел самым старшим в этой троице. Впрочем, он и был за главного.

Третий лишь хмыкнул.

Эти двое были не только старше, но и опытнее в таких делах. Рослые, плечистые – камуфляж туго обтягивал крепкие торсы. У одного за плечами карабин «Сайга-12С», у другого – помповик с pistolетной рукояткой ТОЗ-194. Парнишка помоложе был вооружен газовиком, переделанным под боевой pistolет. У всех – объемистые вещмешки за спинами.

– Лады, – наконец хлопнул себя по коленям гварь, – двигаем, пацаны.

Он скинул рюкзак, выудил оттуда широкое брезентовое полотно и развернул его. Пома-нил круглолицего обладателя помпового ружья. Вдвоем они накинули брезент на ограду, прямо поверх закрученной в спираль колючки.

– Гордый, – обратился предводитель к спутнику, что был покрепче. – Первым пойдешь.

Тот кивнул с неизменной ухмылкой и ловко полез через забор.

– Теперь ты, – приказал бугор молодому блондинчику и буркнул вдогонку: – Не навер-нишь там...

Парнишка хоть и с меньшей проворностью, но все же преодолел преграду. За ним последовал вооруженный гладкостволом гварь. У него было погоняло – Бизон. Юношу они называли просто – Рыжик.

Проникшие на запретную территорию лазутчики пригнулись и, не мешкая, рванули вперед. Взвиваясь черно-серой пылью, под ногами противно скрипела зола – все, что осталось от некогда заросшего кормовыми травами поля. Через десять минут спринтерского бега они достигли обгорелых стволов – бывшего леса. Нарушители границ Кордона на минуту остановились отдышаться, но вскоре продолжили путь: оставаться здесь было нельзя – того и гляди попадешь под луч периодически шарящего по окрестностям прожектора, и тогда останется лишь молиться своим богам. Кордонные охранники попросту накроют это место из минометов да еще посекут из крупнокалиберных пулеметов – для верности.

Бизон заметил, наблюдая за одним из постов в бинокль, торчащие из бетонных дотов хищные рыла «Кордов» и «Утесов».

– Противогазы надеваем? – опять не утерпел молодой.

– Завязывай... – лениво отмахнулся старший, – я зря башлял этому прапору из химвойск что ли?..

– И чё?..

– Хрен через плечо! – огрызнулся гварь. – Ясно ведь было сказано: на пепелище никакой заразы нет, все выжгли. Все эти нано-онано начинаются в городе. Да и то если пыль поднимется – ветер, там, или еще что... Вот тогда и надо намордники натягивать. – Он прислушался

к чему-то и бросил своим спутникам: – Хорош тут рамсы разводять! Валим отсюда, пока под раздачу не попали.

И все трое вновь припустили бегом в сторону погруженного во тьму города.

2

Алексей теперь не спал по ночам. Впрочем, и днем тоже. Точнее, ему не нужен был продолжительный сон, чтобы дать отдых и возможность восстановиться организму. Полчасика дремы – и как огурчик! Даже не дремы, а какого-то медитативного погружения. Когда сознание вроде как отключается от всего внешнего и скользит по мягким, переливающимся различными теплыми оттенками волнам. Конечно, некий сторож в мозгу, чутко реагирующий на любые изменения в обстановке вокруг, все же бдел. И в экстренных случаях мог легко прервать сеанс медитации, вернув Меркурьева к действительности.

Этой ночью он тенью скользил вдоль построек неподалеку от Белой рощи. Алексей прочесывал город. С некоторых пор у него это вошло в привычку. Так он изучал город, ставший призраком. Ибо город был новым, неузнаваемым и чужим. И очень опасным.

Внутренний радар привычно сканировал окружающее пространство. Везде – тихо и безлюдно. Лишь в одном из зданий, где ранее размещалось местное УЖХ, обнаружилось присутствие чужого разума. Зомби – примерно два десятка экземпляров. Но они не подавали признаков активности. Вероятно, пребывали в дреме.

За последнее время, натываясь в своих блужданиях на этих супостатов и умело обходя их (время выходить на тропу войны еще не пришло), Алексей подмечал, что ночью эти твари вроде как спят. Вернее, не спят, а проваливаются в некое забытие. Он объяснял это остаточным явлением: ведь все они раньше были людьми. Возможно, записанная на геномном уровне и не затронутая нановитами информация о необходимости сна понуждала их в темное время суток отключаться. Во всяком случае, вряд ли им было уж так необходимо спать – в их нынешнем-то состоянии. Нановиты полностью контролировали организм и психику этих существ – все жизненно важные функции и системы. А нановитам сон не нужен.

Меркурьев вышел к зарослям лесопарка, переходящего в заброшенное поле и далее в лес – теперь полностью выгоревший. И тут внутренний сканер просигналил: со стороны пали кто-то идет. Алексей застыл и настороженно прислушался к своим ощущениям. Так и есть – вскоре он засек приближение троих существ. Это явно были люди.

Но как они сюда проникли? Охрана Кордона прошляпила?..

Что ж, нужно будет проследить за ними. И выяснить, кто такие и за каким лешим они сюда поперлись.

Алексей неслышно двинулся вперед.

3

Вот уже и окраина города. В безлунной ночи призрачными очертаниями едва угадывались низкие постройки. Судя по карте, которая имелась у бугра, здесь промзона, соседствующая с частными домишками и бараками, в коих не так давно проживали работяги с нефтеперерабатывающего завода. Сам завод раскинулся севернее – в пяти километрах отсюда.

Рыжик заметно нервничал. Он с противной дрожью в руках и коленях думал об этих вурдалаках, на которых они могли напороться ежесекундно. Как их там – зомби... Блин, получше названия не могли придумать! Еще он боялся вдохнуть воздух с микроскопической хренью и подцепить заразу. А команды надеть маски дано не было.

Бизона он тоже побаивался. Знакомые пацаны рассказывали, что тот не одну ходку на зону сделал. Поговаривали даже, что будто мокруха на нем, и не одна. Такому на перо посадить – что нам высморкаться... А сейчас вон, гляди-ка, сталкером подрядился.

Корешок Рыжика Цыган брал его иной раз в дело: то склады продовольственные в соседнем поселке, брошенные в спешке, пошерстить. То гаражи тут же неподалеку бомбануть... Все по мелочевке. О том, чтобы проникнуть на запретную территорию, к тому же зараженную каким-то биологическим оружием, никто попервоначалу и не думал. Слишком стремно. Да и военных вон сколько нагнали – причем в основном вэвэшников. Эти как кобели цепные, раздумывать не станут – автоматная очередь, и в труповозку...

Но, видать, ушлые дяди быстро раскумекали, сколько всякого добра осталось в брошенном городе. И как бы это все прибрать к своим загребушим рукам. Вот и возникло сталкерское движение – даешь хабар! И с каждым днем оно будет только шириться и крепнуть – какой дурак откажется маленько помародерствовать и при удачном раскладе затариться ценным барахлишком? А ведь там и бабла должна быть туева хуча, и золота-серебра. В тех же банковских сейфах и хранилищах. Не считая всяких-разных домашних кубышек...

Клондайк, мля! Эльдorado для доморощенных сталкеров...

Так вот Цыган в последнее время стал пропадать куда-то. А когда появлялся – намекал, что перетирает с серьезными людьми одну прибыльную тему. Он-то и подвязал Рыжика на эту авантюру – вылазку в Зону. Соблазнил хорошим кушем. Мол, дело верняк. Есть сведения о больших бабках, что лежат и ждут не дождутся, когда их кто-нибудь заберет. Есть и подробная карта, как дотуда добраться... Ну, и есть, наконец, те, кто все это провернет. Двоих уже нашли, третий нужен. Он, Цыган, Рыжика и присоветовал. Дескать, конкретный пацан – ушлый и надежный...

– А чё ж сам-то не подписался? – с подозрением спросил «конкретный пацан».

– Да не могу я сейчас, братуха! – воскликнул Цыган. – Нюхом чую, пропалили меня менты. Ну, доказухи-то у них ноль, но зырят, суки... Да ты чё ваще – мне не доверяешь?..

Рыжик, несмотря на молодость, лохом-разиней себя не считал:

– Да ведь сам знаешь, брат: доверяй, но проверяй...

Цыган вдруг согласился:

– Что правда, то правда... – придвинулся ближе и перешел на шепот: – А нюху моему ты доверяешь? Что я любую хрень жопой почую за сто верст?

– Ну, это да, – согласился молодой, ибо не раз имел случай убедиться в каком-то дьявольском умении Цыгана предчувствовать развитие событий.

– Ну так вот... – Тот оглянулся на всякий случай, хотя в дешевой забегаловке, кроме них, никого не было. – Я чую, что за этим очень серьезные люди стоят. Очень! Нам с тобой даже лучше и не знать, что на земле такие есть. Да мы и не знаем, и хер с ним! Нам главное, что они, если что надо решить, решат по-любому, без преград, и бабок никаких не пожалеют. А вот это уже наша тема! Тут только залупаться не надо... А сделаем все, как скажут, они крысятничать не станут. Отвалят столько, что во! – Цыган махнул над головой ладонью. – Не на всю жизнь, так на полжизни точно хватит.

Он закурил, ухмыльнулся:

– Слышь, этот хер-то... ну, кто со мной тему начал тереть, посредник ихний, – дурака включил: типа я так просто, сам по себе, и звать меня Хрен Иваныч... А я ему – да, да, конечно... ну, и развел его на капусту по полной. Тут, базаров нет, и моя доля есть, но и тебе хватит. Короче, братан, дело твое, но мой тебе совет: включайся. Второго раза может и не быть.

В общем, согласился Рыжик. Подняться хотелось реально. Башли крутые снять. А сейчас вот пожалел. И подумал, что жадность, она завсегда фраеров губит. Чего уж там – поздно теперь очком вилять. Захотелось кайфу – насаживайся на болт!..

4

В крошечной тьме Рыжик налетел на широкую спину предводителя. И если б не шедший замыкающим Гордый, который успел схватить его за плечо, парень точно бы навернулся.

– А ну, ша! – вполголоса выругался Бизон. – Смотри, куда прешь, чушпан!

Рыжик виновато засопел. Он же не кошка, чтоб в темноте видеть, и ПНВ – прибора ночного видения – у него тоже нет.

Бугор зашуршал рюкзаком, включил фонарик и сверился с картой.

– Здесь заночуем, – глухо произнес он. – Потопаем засветло. Не хрен ночью лазить по заборам...

И пошел к темным пятнам строений.

Подсвечивая себе фонарями, они осматривали постройки, придирчиво выбирая место для ночлега. Наконец Бизон остановился возле не то сарая, не то гаража. Бросил:

– Вот тут.

На обшитой снаружи листом железа двери замков не наблюдалось. К тому же она была слегка приоткрыта. Сталкеры взяли оружие на изготовку. Бизон рывком отворил дверь, в темный проем метнулся Гордый с дробовиком в руках. За ним главарь и в арьергарде Рыжик.

Лучи фонарей заметались по захламленному мусором полу и обшарпанным стенам, вдоль которых стояли запыленные шкафы и стеллажи. Центральная часть отделялась слева и справа гипсокартонными перегородками. В боковые отсеки вели дверные проемы, зияющие темнотой.

– Осмотри правое крыло, – кивнул Гордому главарь. – Рыжик, держи вход. Я проверю слева...

Двое разошлись в стороны. Рыжик остался стоять у стены напротив входа. Он липкими от пота пальцами сжимал рифленую рукоятку своего шпалера, другой рукой светил фонариком перед собой, а глаза так и зыркали по сторонам. Проводив тревожным взглядом поделщиков, скрывшихся в соседних помещениях, Рыжик направил луч света и ствол пистолета в направлении входа. Товарищи были в нескольких метрах от него, но все равно мандраж пробирал: страшно было оставаться даже на несколько минут одному в этом... в этом поганом месте.

Что это?.. Или показалось ему? Будто глухое рычание раздалось откуда-то из угла... из дальнего угла. Угрожающее такое рычание, когда собака готовится атаковать врага. И в следующий миг слева послышался отчаянный вскрик Гордого, какой-то шум, а затем возня справа, оттуда, куда ушел Бизон.

Вот теперь злобное рычание слышалось четко – с обеих сторон. На мужиков явно напали одичавшие псы. Рыжик тревожно окликнул товарищей по именам. В ответ громыхнул выстрел – стреляли из правого отсека. И сразу визг, перешедший в предсмертный хрип. А с другой стороны донеслись глухие удары, также оборвавшиеся взвизгом... и – тишина.

– Да что с вами? – заорал трясущийся от страха и неизвестности Рыжик.

В ту же минуту в помещении показались оба поделщика. При свете фонарей Рыжик заметил, что у Гордого кровоточит левая рука, а у Бизона разорвана правая брючина и оттуда тоже сочится алое...

– Твою мать! – зарычал не хуже собаки предводитель. – Долбаный кабыздох накинута на меня в темноте. Успел укусить, сучара, пока я его прикладом не ухайдакал!

– А я тоже вначале не видел псину. – Гордый возбужденно сопел, обрабатывая рану йодом и перевязывая ее бинтом. – А она как прыгнет, зараза! Ка-ак вцепится мне в руку. Ну, я ее отбросил и пришил. Мозги вышиб. Вот тварь!

Бизон залил рану перекисью водорода и тоже накрепко перебинтовал.

– Мужики, – подал голос потрясенный Рыжик, – а эти псины, они того – не бешеные случайно?

– Херня война, – беззаботно сплюнул Гордый. – У бешеных слюна так и льется с морды. А эти вроде как нормальные были. Только очень злые – видать, голодные, да еще одичавшие. Может, к мертвечине привыкли – к человечинке. Вот и кинулись на нас.

– Меня другое беспокоит, – спустя минуту снова заговорил атаман. – Выстрел мог привлечь внимание...

– Чье? – испуганно спросил парнишка.

– Ясен перец чье... – усмехнулся Гордый. – Этих самых – зомбятков. Щас как нагрянет сюда делегация: чего это вы тут беспредел творите, падлы?! Пошто наших псиночек мочите?.. Гы-гы-гы!

Рыжик укоризненно посмотрел на приятеля – тому лишь бы поржать. Время-то сейчас такое – не до шуток. А ну как на самом деле всполошится местная нелюдь?

– Может, лучше рвануть отсюда, пока не поздно?

Бизон посмотрел на него, не торопясь высморкался на пол и спокойно молвил:

– Для тебя, парень, это дело как зубная паста. Понял?

– Чего?..

– Зубную пасту, если выдавишь из тюбика, потом назад засунешь?

– Не...

– Вот так и ты. Куда попал, туда попал, и назад для тебя дороги нет, понял? И вообще... – в голосе Бизона прозвучала такая нота, что у парня холодок прошел по спине, – мы про тебя слыхали, что ты пацан резкий, а тут, смотрю, еще дело не началось, а у тебя уже очко сыграло... Это плохо, парень. Совсем плохо.

Последние слова были сказаны очень спокойно, но от них Рыжика окатило холодом покруче, чем в первый раз.

Он постарался собраться, даже улыбнулся:

– Да нет, Бизон! Это я так, что-то нашло... Не! Больше не повторится.

Бизон с десяток секунд помолчал, прежде чем смилостивиться:

– Ладно, проехали. Но учти: в первый и последний раз. А если по существу, то дергаться нам не с руки. Сейчас если еще куда сунемся, то кто-нибудь покруче на нас кинется. Нет уж, заляжем здесь. Дверь запрем, вон, видишь, засов крепкий, хрен выбьешь. Отоспимся, а утром и рванем. До цели еще нужно отмахать пару кэмэ...

Рыжик кивнул и двинулся подыскивать себе угол для ночевки.

5

В помещении, закупоренном наглухо, стояла ужасающая духота. Рыжик скинул куртку, но все равно обливался потом. Всю ночь он проворочался, не в состоянии заснуть. Вроде задремлет на время, но потом в страхе просыпается – кошмары всякие снятся.

И еще мысли не давали спать.

Конечно, Бизон прав – теперь уж назад ходу нет. А вперед? Что будет впереди?.. И кто эти двое, Бизон и Гордый, – он ведь их совсем не знает! Почему-то в голову настойчиво лезли слова Цыгана о «серьезных людях», которых лучше и вовсе не знать...

Родившийся в неблагополучной семье неблагополучного пригорода – там, собственно, почти все семьи были такие, Рыжик вырос на улице, та поработала над ним жестко, и он наивно возомнил о себе, что прошел огонь и воду, повидал всякое и теперь жизнь ему по колено...

Когда Цыган познакомил его с этими двумя: «Ну, знакомьтесь, братва! Это вот кореш мой, пацан реальный, отвечаю...» – Рыжик, хотя и сразу понял, что тут шуточки плохи и что сам Цыган перед ними прогибается, был чуть не на седьмом небе от того, как простецки, почти

по-дружески заговорили они с ним, как бы принимая его в свое братство на равных. Именно в тот момент он по-настоящему решился идти, несмотря на то что дал согласие еще вчера. Но то вчера, а это – сегодня...

И вот тебе «на равных»!

Серьезные люди. Кто они?.. В этом плане Рыжик верил Цыгану. Тот не врал. Другое дело – самое главное мог и скрыть. Хитрый, сучонок!..

Внутренний голос ехидно сказал: «Ну ладно, он-то хитрый, а ты кто? Лох фанерный? Тебя развели, а ты и рот разинул...»

Это зацепило парня. «Ладно, ладно, – сердито сказал он самому себе. – Посмотрим, кто лох, а кто нет. Прорвемся!..»

Под утро вроде забылся наконец. И привиделось ему, будто подельники его превратились в тех самых собак. Тела у них человечьи, а головы – песьи. Стоят, смотрят на него и ухмыляются – щерят разинутые пасти. А оттуда слюна так и течет – видать, бешеные все же псы оказались.

Рыжик проснулся, словно со дна глубокого темного омута вынырнул. Сердце бешено колотилось, лицо мокрое от пота. Он резко сел, не понимая еще, что это был кошмар. Вот только...

Только странно тихо как-то. В потемневшие от пыли оконца еле просачивается свет – значит, солнце уже встало. А товарищи дрыхнут. Они ж первыми всегда соскакивали – его будили, воду холодную за шиворот заливали, забавлялись так, собаки!..

Собаки?..

Он проморгался, протер глаза и увидел, как из дальнего угла к нему приближаются две темные фигуры. Вот они вступили в освещенный участок...

ТЬфу ты мать, так это ж они, Бизон с Гордым! Сердце облегченно затрепыхалось, но тут же вновь сжалось в испуганный комок.

Что это с ними?..

Рыжик вскочил с места, непроизвольно застонал – одна нога затекла... Сталкеры шли молча, целеустремленно надвигаясь на него. Выражение лиц – никакое, словно маски застывшие. Мать твою, они чего – обширялись что ли?..

– Вы чё, братва? – просипел парень. – Кончай шутить так – щас обдрищусь ведь...

Ни слова в ответ, ни звука. Идут как куклы заведенные. Оружие за спиной, а руки скрючены и вытянуты перед собой. Так, как будто его хотят схватить и... ну что, что? Да что за хрень такая?!

Рыжик не на шутку перепугался. Чё-то не то с корешами. Он попятился, наткнулся на стену и дальше – боком, по стеночке. Оглянулся и рванул к распахнутой двери, ведущей в правый отсек строения.

А уроды все так же перли на него – взгляд у обоих какой-то остекленевший. Парень выхватил пистолет, передернул затвор.

– Слышь, мужики, – дрожащим голосом сказал он, – я ведь шамальну щас, если не прекратите выживать. Мля буду, шамальну!

Как об стенку горох. Ну ладно, падлы, развести захотели – как лоха, да? Я, блин, сейчас разведу так разведу – на всю жизнь инвалидами останетесь. Вся злость, вся обида на подельников, весь страх, накопившийся за последнее время, все это вылилось в отчаянном порыве наказать мудаков. Рыжик вскинул оружие, тщательно прицелился и выстрелил в ногу ближнего к нему Бизона.

Твою-у-у ма-а-ать!.. Молодой сталкер разинул рот от изумления. Урод даже не дернулся, даже не скривился. Пуля пробила икру, вырвала клочок мяса, забрызгав пол кровью, а ему хоть бы хны!

Он снова вскинул ствол, направив его в грудь Бизона, но тут произошло непредвиденное. Главарь молнией метнулся вперед, вышиб оружие из рук парнишки и толкнул его ладонью в

грудь. В грудную клетку точно бревно врезалось. От этого толчка Рыжик отлетел на несколько метров и спиной впечатался в стену. Сполз по ней, судорожно глотая воздух, не в силах даже пошевелиться, не то что вступить в схватку. Он понял, что все – трындец ему.

Каменные рожи приближались. А ведь и впрямь – было в них что-то песье. Сквозь застилавший глаза туман дурноты Рыжику даже показалось, что лица их заострились, вытянулись и приобрели теперь уже полное сходство с собачьими мордами.

И тут откуда-то сверху раздался грохот отрываемого профнастила.

Монстры задрали морды, и в следующую секунду на них обрушилось что-то темное и очень стремительное. Похожее... да – похожее на тело мускулистого мужчины. Дальше Рыжик ничего не видел, потому что потерял сознание.

Из забытья его вырвал звук... какой-то очень уж звонкий. Он попытался вспомнить, что может так знакомо звучать, и с удивлением понял, что это пощечина. Кто-то лупил его нещадно по щекам. И тут Рыжик окончательно пришел в себя.

Он застонал и попытался закрыться рукой.

– О-па! – раздался чей-то возглас. – Ожил, хлопчик!

Парень разлепил веки и уставился на разинутую в оскале тигриную пасть. Через пару мгновений, еще не успев обоссаться от страха, он понял, что это рисунок на спортивной майке. На него насмешливо глядел крепкого сложения молодой мужчина чуть выше среднего роста.

Рыжик попытался сфокусировать взгляд, и вскоре ему удалось разглядеть за спиной мужика на полу два бездыханных тела – головы у обоих были как-то неестественно вывернуты.

– Короче, – заявил незнакомец, – сразу поясню. Я тебя спас, благодарности мне не нужны. Просто ответишь на мои вопросы – честно и без ботвы! Въехал?

Рыжик пару мгновений смотрел на непонятого мужика, затем счел за лучшее утвердительно кивнуть.

– Вот и ладно. А у тебя есть вопросы ко мне?

Снова кивок.

– Ну так валяй. Потом сам колотья начнешь.

Голос у Рыжика начисто сел. Он кое-как отдышался и прохрипел:

– Че за херня? Чего с ними?..

Его спаситель усмехнулся:

– А ты еще не догнал? – И, решив не мучить пацана неизвестностью, пояснил: – Твои кореша спеклись – в смысле заразились. И благополучно превратились в зомби.

У юноши мелькнуло в глазах нечто похожее на понимание: собаки! Он пробормотал – скорее для себя, чем для мужика этого странного:

– Ты их завалил...

– Допер наконец-то... – вроде как обрадовался незнакомец. – Правильно, ночью на вас напали собаки. В общем, это те же зомби, только четвероногие... и не такие умные, как зомби двуногие.

Рыжик сглотнул.

– Тебя ведь не покусали, нет? – Чувак подозрительно уставился на него.

Рыжик отрицательно мотнул головой.

– Повезло. – Мужик отвернулся, сделал шаг назад, наклонился и принялся деловито собирать оружие и боеприпасы.

Потом он долго и с пристрастием расспрашивал юношу. Тот решил, что лгать не имеет смысла, и выложил все как на духу.

6

Конечно, это был Меркурьев. Он, аки тать в ноши, проследил за ними – весь их путь до подсобного помещения. Слышал, как те сцепились с зараженными псами. Понял, что все внутри – явные кандидаты в зомби.

Потом он затаился рядом. Покемарил немножко и всю ночь просидел на крыше строения. К утру почуял, что двое стали нелюдьми. А вот третий их напарник оставался пока что человеком. Грех не вызволить парня из беды. Что он и сделал. Не за спасибо, а из принципа. Давить гадов и спасать людей...

Да-а-а, дела... Меркурьев задумался. Черт-те что получается! Только сталкеров тут не хватало для полного счастья – и для пополнения рядов противника.

Рыжик с трудом поднялся:

– А ты кто?

– Я-то? – Мужик повернулся к нему. – Зови меня Проводником. Я тут местный. Как видишь, уживаюсь пока с соседями. Я живу, и они живут – пока мне не попадутся...

Он помолчал, дав время спасенному переварить информацию, затем покачал головой:

– Сталкеры, значит? Мудозвоны безмозглые! Сунулись, куда не звали... Теперь полезут сюда все, кому не лень... Что, неужели никто вас не предупредил, что псы тоже могут быть разносчиками нановитов? Да и вообще все животные!

– Не знаю. – Рыжик пожал плечами. – Меня – нет.

– Ну, похоже, что и этих также... Выходит, втемную вас использовали – как презервативы.

Парень виновато понурил голову. Мертвякам-то теперь все по барабану, а вот он точно мудозвон молодой – наслушался благих посулов, развесил уши. А все Цыган, сучара! Втянул его в это говно!..

При всем при этом к Проводнику парень сразу ощутил какое-то безотчетное доверие. Это чувство было совсем не похоже на глупый восторг, что охватил его при знакомстве с теми двумя, – в глубине души Рыжик чуял, что каждый из них, несмотря на видимое дружелюбие и шуточки-приколы, случись что, напишет лезвием или шмальнет из волыны и даже не поморщится. Он лишь надеялся, что не даст к этому повода...

А тут совсем другой расклад. Что-то подсказало юнцу, что перед ним настоящий боевой товарищ, который своего не сдаст и не бросит, тот, кто реально живет по правилу «Сам погибай, а товарища выручай»... Рыжик вдруг понял, что ни с кем за всю его бедовую жизнь ему не было так спокойно и надежно, так хорошо, как рядом с этим человеком, даже имени которого он не знал.

– Слушай, – осмелев, заговорил он, – тут такая тема... Тот, который меня сюда подписывал, Цыган его кликуха... Короче, он говорил, что за этим делом какие-то очень крутые люди стоят. Во! – И он показал пальцем и взглядом вверх.

– Очень может быть, – спокойно отозвался Проводник. – Придет время, выясним. А сейчас у нас с тобой задача другая.

– Какая?

– Живыми остаться, чудила грешный!

– А-а...

– Болт на! Ладно, ладно, шучу... Ну, пошли что ль. – Проводник закинул стволы за спину, подхватил один рюкзак, а второй кинул парню.

– Куда? – спросил незадачливый сталкер.

– На кудыкину гору – журавлей щупать! – хмыкнул Проводник. – Короче, если хочешь выжить и не превратиться в тварь, лови каждое мое слово и не отставай ни на шаг. Уяснил?..

– Ага, – сдавленно пробормотал Рыжик и зашагал вслед за Проводником.

7

Они шли какими-то одному Проводнику известными закоулками. И ни разу не нарвались на зомби – ни в человеческом, ни в собачьем, ни в каком ином облики. Свое дело этот чудной мужик знал.

Через некоторое время вышли к металлической ограде с воротами. Вывеска гласила: «Санаторий-профилакторий „Белая роша“». Поплутали меж корпусами и зашли в одноэтажный домик, смахивающий на подсобное помещение. Так оно и оказалось – подсобка. А внутри нее дверь, точнее, не дверь, а металлический люк, ведущий в подвал.

Проводник запер наружную – тоже металлическую – дверь на пару крепких засовов и махнул гостю: спускаемся. Когда очутились внизу, вспыхнул свет. На немой вопрос юноши хозяин подземелья ответил:

– У меня тут генератор небольшой работает – на дизельном топливе. И запас соляры есть – мне пока хватает. Одному...

Он искоса глянул на парня. И, больше не говоря ни слова, пошел в глубь помещения. Рыжик проследовал за ним. Как он вскоре убедился, подвал этот был огромным. Во всяком случае, длинным, вытянутым метров на сто. Настоящее подземное убежище. Имелся, кстати, и запасной выход, правда наглухо задранный. Хозяин по ходу показывал, что к чему.

Они пришли в огороженную часть, похожую на жилой отсек. Здесь имелось три кровати, диван и пара кресел. А еще большой платяной шкаф, полированный комод и с пяток приземистых тумбочек.

– Здесь пока поживем, – заявил Проводник, устраиваясь в кресле, – а про возвращение обратно забудь. Никто тебя теперь за Кордон не выпустит. Подстрелят как куропатку, а трупак сожгут.

Рыжик присел на свободную кровать, задумался. Вот влип так влип! Он ведь понятия не имел, каким способом Бизон хотел вернуться назад. Ему тот ни о чем таком не говорил, но сам-то должен же был заранее все просчитать... Бизон мертв, Гордый мертв, рации у них не было – опасались перехвата взвэшниками. Значит, прав Проводник: Рыжику теперь оставаться тут вечно, пока не прибьют зомби... или сам не сдохнет!

Он обхватил голову и, сам того не замечая, застонал вслух.

Меркурьев с любопытством посмотрел на него, покачал головой и хлопнул ладонями по подлокотникам:

– Хорош скулить! Ты ж не баба... Давай лучше подумаем, чем ты тут займешься. – Он перевел взгляд на свои сильные мозолистые руки и рассудительно заметил: – Человеку нельзя без дела, так и с катушек съехать недолго.

Рыжик вскинул голову:

– Слушай, а может, это самое – слетаем по-быстрому туда, где товар захован? На карте это место отмечено. А ты ж тут все знаешь. Возьмем хабар и на хазу... то есть на Большую землю. Ты же сможешь кордонников обойти, а?..

Проводник кивнул – продолжай, мол.

– Ну так, – Рыжик замялся, – там же до хера и бабла, и рыжя с брюликами... Возьмем и разделим на двоих. Это же банк, Центральное отделение. Оттуда ничего не успели вывезти. И не вывезут теперь: все заразы боятся. А Бизон узнавал у людей знающих – зараза та давно уже осела с пылью. Кто тут был – заразились. Ну а вещи – чё им будет в закрытом помещении, тем более в хранилище?.. Чистые они – так Бизон говорил. – Он умолк, не зная, что еще сказать.

Хозяин помолчал, потом заговорил – и жестко так заговорил:

– Слушай сюда, внимательно слушай, пацан, – повторять не буду. Мне твои интересы побоку. Богатств мне не надо. На Большую землю я не вернусь. И никого отсюда не выпущу. Запомни это. У меня своя миссия. И свои счета с этими уродами, которые здесь. И ты, раз уж заявился на мою голову, теперь будешь мне помогать. Усек? Дальше разжевывать не нужно?

Рыжик помрачнел, но деваться было некуда, без поддержки Проводника его тут замочат в первый же день. Уже чуть не замочили... И тут его пронзило: а ведь может быть и хуже – заразят и превратят в себе подобного монстра. От этой мысли его аж передернуло. Трудно, конечно, представить, что это такое, но точно что-то мерзкое, до ужаса мерзкое...

Он тяжело вздохнул и кивнул стриженной головой:

– Ясно. Говори, что делать нужно.

Мужик внимательно посмотрел на него, выдержал паузу, затем, словно на что-то решился, доверительно молвил:

– Зараза эта – не просто вирусы или еще какие микробы. И не просто биологическое оружие. Это новый вид разумных существ размером с молекулу – нановиты. И управляет ими Рой...

И он принялся рассказывать удивительные и страшные вещи. От которых у Рыжика закружилась голова. Но он слушал. Слушал и запоминал. Он вообще не был дураком, просто не нашлось того, кто бы мог им заняться. Вернее, до сих пор не находилось. А теперь...

Теперь он слушал и понимал. Понимал, что отныне ему жить здесь, с этим. И воевать с этим – плечом к плечу с Проводником.

Глава 4

1

Валерий Подольский был не из тех, кто подолгу смотрит в себя, пытаясь разобраться в полутьме своей души, а она странная у всех. Жизнь капитана спецназа сложилась так, что только успевай отбиваться: тут уж не до психологии. Но в тот день и час, когда колонна пошла по Проспекту и скрылась вдаль, он ощутил слабый укол в сердце. Все! Теперь они семеро – должно быть, последние люди в этом огромном отравленном пространстве...

После бесплодной попытки найти пропавших товарищей в южных районах Старого города Валера решил, что нужно менять направление поисков. День после вылазки они скоротали в Башне, а на следующий решили вновь начать активные действия. Но сначала нужно было подкрепиться.

– Ну что, бойцы, – командир позволил себе скупую улыбку, – как говорил один мой командир: самое главное в жизни – это правильное питание. А правильное – значит своевременное...

Они расположились в одной из квартир первого этажа, выставив часового и заранее обеспечив себе несколько путей отхода, вскрыли пару упаковок сухпая, коим их щедро снабдили, разожгли таблетки сухого спирта и начали обсуждать обстановку.

– Слушай, командир, – сказал Штепа, покончив с порцией гречневого концентрата и берясь за чай, – я вот думаю: а вдруг кто-то где-то да уцелел? Ну, так, человек по пять-шесть, засели где-нибудь в подвале да отсиживаются... А?

Валера пригубил чай – каждому досталось по половине пластмассового стаканчика, воду надо было экономить.

– Не исключено, – согласился он, – хотя и маловероятно. И потом, искать их – что иголку в стоге сена.

Денис кивнул:

– Это точно... А вообще, какая у нас боевая задача будет?

Вопрос не в бровь, а в глаз! Валерий задавал его себе не раз – и если по правде, не находил ответа.

Не возвращаться на материк – да, но это желание, а не цель. Вот оно и сбылось. А дальше? Бродить по безлюдным улицам, нападать на зомби и самим отбиваться от них?.. И так день за днем, год за годом... Ну конечно, это бред.

Однако сказать так он не мог. Не мог допустить и того, чтобы хоть кто-то угадал эти его мысли. Поэтому на лице командира не дрогнул ни один мускул. Подольский пригубил из стакана и веско произнес:

– Главная задача у нас прежняя – найти ребят, Мишку с Лехой. Это мой долг! Мы с братом Алексея сами как братья были... ну, знаете, наверно.

Парни дружно кивнули. Валера продолжил:

– Так что будем искать. Попутно, может, и правда кого найдем... Видно будет по ходу. Ну и, само собой, уродов мочить! Сколько встретим, столько и положим. С умом, конечно, не напролом... хотя вас-то учить не надо.

Эти слова были встречены кивками и сдержанными улыбками. Один боец сказал:

– База нужна, командир.

Капитан усмехнулся:

– Так точно! Думал об этом. Кстати, готов выслушать ваши соображения. Что скажете, воины?

Ребята переглянулись. Не перегруженные образованием, они умели мыслить четко, практично, примеряясь к обстановке, – это было частью их профессии. Переброс взглядов быстро скрестился на Штепе – ясно, он второй после командира, ему и держать ответ за всех.

Денис почесал начавший зарастать затылок.

– Ну-у, – протянул он, – на склады МЧС нам уже не вернуться. Искать другие какие-то?.. Хрен знает, мы же не местные. Тоже вроде иголки в сене выйдет... Магазины? Нет. Давно, поди, там все протухло. А что не портится, так все равно надолго не хватит... Нет, не то.

– Не то, – подтвердил Валерий. Он не улыбался, но что-то замерцало в его глазах.

Денис понял, что они с командиром мыслят одинаково. Это ободрило его.

– Ага! Значит, надо что-то такое... – Он на мгновение замаялся. И тут грубоватое лицо сержанта просияло. – Ну!.. Как это я сразу не догнал! Вокзал, командир. Там...

– Можешь не продолжать. – Подольский позволил себе рассмеяться. – И здесь все точно! Я сам так и думал. Вот, смотрите карту...

Он не договорил. Часовой из соседней комнаты негромко крикнул:

– Внимание! Вижу цель.

2

Все мгновенно и бесшумно заняли исходные позиции. Валерий прильнул к прицелу СВД. Увеличенные оптикой, по двору двигались трое зомби. Мужчины. Бывшие мужчины... Здесь Подольский заметил, что впал в лирику, и обругал себя.

Итак, трое зомби. Идут клином, грамотно: каждый страхует других. Озираются.

Капитан толкнул плечом Степанова:

– Что скажешь, сержант?

– Ищут, – шепнул Денис. – Вроде разведгруппы. Может, и нас...

– Может. – Валера отвел предохранитель вниз.

Секунда – и он все решил. Риск есть, но без риска вообще нет ничего.

Выстрел! Башка первого взметнулась, как от апперкота. Выстрел – второй мешком осел наземь.

Третий успел рвануться, но больше не успел ничего. Пуля пробила лоб – и вышибла из тела жизнь.

– Меняем позицию! – раздался приказ.

Бойцы рассредоточились. Часть взбежала на второй этаж. Весь двор был плотно взят под прицел.

Но продолжения не последовало. Ребята просидели в полной боевой готовности, с оружием на изготовку минуты две – и никого. Три трупа, еще дергавшихся в судорогах посреди двора в кровавых лужах и зловещей тишине, которая так и осталась тишиной.

– Отбой, – скомандовал Подольский.

Собрались на площадке первого этажа.

– Кто что не доел, добирайте, – распорядился Валерий, – и передислоцируемся.

Роскошь впустую терять калории они себе позволить не могли.

Через полчаса группа ненадолго собралась в здании детского садика – обзор отсюда был отличный. Валера наконец-то развернул карту.

– Вот смотрите, – провел он пальцем. – Вот вокзал. Отсюда по прямой, через кварталы, километров пять. Это час ходу... Ну, о плюсах говорить, думаю, не надо?

Не надо. Парни соображали крепко.

Во-первых, вокзал, точнее, весь вокзальный ком плекс, включая депо и ремзавод, где чинят локомотивы и вагоны, – территория достаточно компактная, но с развитой структурой помещений... которая, правда, способна обернуться минусом, но это для лохов, а не для спец-

наза. Во-вторых, именно там могут оказаться крупные запасы продовольствия: наверняка на путях осталось множество эшелонов, в том числе продуктовых. Скоропортящееся, правда, испортилось давно, а вот крупы, макаронные изделия и тому подобное – это все может быть употребимо. В-третьих, там должно быть немало всякой техники, в том числе автомобильной, а в застрявших эшелонах как пить дать окажутся цистерны с бензином и соляровкой... Следовательно, мобильность. И в-четвертых, при линейном отделе милиции (в бытность Валерия на службе эти отделы назывались именно так – ЛОМ, потом их вроде бы переименовывали, но Валерий тогда был уже изолирован от мира) могли остаться оружие и боеприпасы. Пожалуй, этого добра можно было бы поискать в любом райуправлении милиции, но там нет прочих выигрышных факторов.

Ну и, наконец, все это имеет смысл, если на вокзале не хозяйничает Рой – но можно установить это только путем прямого наблюдения и никак иначе. А потому – вперед!

– Вперед! – Валерий свернул карту и встал.

3

Он оказался, как обычно, прав. Почти прав. Путь от детского сада до вокзала занял бы ровно час, если бы не одна досадная задержка.

Команда двигалась скрытно, умело избегая боестолкновений. Зомби, конечно, попадались: они двигались организованными группами, совсем без того дикого бессмысленного буйства, что в первые дни. Теперь в их действиях просматривался самый настоящий порядок... правда, какую цель они преследуют, оставалось неясным.

...Затаившись в подсобке магазина, вояки пронаблюдали, как толпа вурдалаков – и мужчины, и женщины – строем прошагала через двор в сторону Проспекта, примерно по направлению к Башням, хотя не факт, конечно, что туда. Ребята успели привыкнуть к виду существ, но все равно – мать вашу сапогом... Лица! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Лица мертвецов, вставших из гроба, – они ведь отличаются от лиц живых не только неподвижностью, но и утратой красок, каким-то матово-зловещим бесцветьем, словно вместе с жизнью уходит не только движение, но и незримая аура, дающая цвет, блеск, игру... Ничего этого нет в мертвых лицах.

Не было и на лицах тех, кто шел мимо. Но их глаза были открыты и тоже двигались – правда, совершенно не по-человечески. Существа шагали быстро, но почти не поднимая ног, шаркая, пыля. Руки болтались маятниками, глупо подвешенными к корпусу, вовсе не участвуя в движении, и было странно, что эти руки могут держать оружие, сжимать рули и рычаги машин, хватать, рвать, царапать... что какая-то энергия управляет этими телами, может вздергивать их, кидать в бой! Ну, оно, конечно, ничего удивительного: это Рой, он водит ими как щупальцами, вливает в них свои силы... Удивительного-то ничего, но видеть своими глазами свору бывших людей – это, знаете ли, горько для души, даже столь закаленной, как душа осужденного спецназовца.

Когда двор опустел, Валерий подал знак рукой, группа двинулась дальше. На маршруте бойцы вообще слов не тратили, общались жестами и прекрасно друг друга понимали. Движение продолжилось по всем правилам военно-диверсионной науки.

Но правила эти не предохраняют от случайностей – вот и сейчас произошло то, чего предусмотреть было нельзя. То есть Алексей Меркурьев наверняка бы предусмотрел, но его, увы, здесь не было...

Приближение группы зомби передовой дозор из двух человек, конечно, заметил, о чем тут же просигналил остальным. Отряд занял исходные позиции: каждый боится товарища, все готовы драться до конца, но оставлено и пространство для маневра. Профи своего дела, парни вовсе не собирались ввязываться в бой, если этого можно избежать.

Однако – не удалось.

Один из зомби вдруг замер. Жуткое лицо обратилось в сторону спецназовцев, глаза странно сузились...

«Заметил», – понял Валерий, хотя в грамотной маскировке своих солдат был уверен. Впрочем, не до загадок! Вот она, конкретная проблема: что делать?

Монстр угрожающе заворчал, и тут же остановились, повернулись и замерли все прочие – их было порядка двадцати.

Застыли. Ну понятно – информация пошла в таинственный разум Роя, и тот принимает решение... Принял – фигуры дернулись, словно разом включились, пошли на сближение.

Все верно: Рой решил прощупать эту человеческую группу – что она из себя представляет. По возможности уничтожить, то бишь превратить всех в зомби. А если выйдет так, что люди всех зомби перебьют, не беда: двумя десятками больше, меньше – наплевать. Потом окружу и возьму свое – так, должно быть, мыслил Рой. Законы логики одинаковы для всякого разума, и человеческого, и нечеловеческого.

Но и человеческому разуму надо было принимать решение, причем мгновенно.

– К бою! – скомандовал Подольский. – Маски, перчатки надеть! В рукопашной быть предельно осторожным, беречь открытые участки тела. Не допускать никаких попаданий!

Спецназовец носит с собой то, для чего обывателю нужна целая квартира со всеми чуланами, а может, еще и сарай в придачу. Развести огонь, перекусить, обработать рану, видеть в темноте, сделать мелкий ремонт, переплыть реку... все это и многое другое боец спецназа умеет делать с ходу, все для этого у него есть при себе. А уж маски и перчатки – это, так сказать, таблица умножения, дважды два. Секунда – и у всех открытыми участками остались лишь глаза. Но их и следовало беречь пуще всего.

Зомби взревели и понеслись во всю прыть. По команде Валерия атаку встретили метким огнем: стволы автоматов принялись наспигивывать тела врагов свинцом. Кто-то из бегущих, кому пули порвали мозг, упал, задергался, кто-то лишь споткнулся, взревев еще отчаяннее и страшнее, а кому-то удалось миновать зону огневого поражения...

– Штык-ножи примкнуть! – крикнул командир, и противника встретили врукопашную.

Семерке асов-«волкодавов» ничего не стоило сладить с толпой тупых существ. Штыки, приклады заработали без злобы, но и без пощады – профессионально. С треском лопались черепа, кровь струями плескала из распоротых шейных артерий. Упавших вояки мгновенно добивали штыковыми ударами сверху. В пять минут все было кончено.

– Осмотреться, – велел Подольский.

Одному из спецназовцев кто-то из тварей успел плюнуть в лицо – спасла маска. Теперь боец ее стащил, кинул в кучу трупов, полез за походной аптечкой...

Да, у спецназовцев, как у Диогена, все свое всегда с собой. Обеззараживающее средство развели в должной пропорции водой, тщательно вытерли брызги крови, которые попали-таки на комбинезоны и разгрузки, промыли штыки, приклады. Все это опять же в темпе, четко, слаженно, без слов. Еще пять минут – группы и след простыл.

Бой произошел в квартале старых зданий, на границе с частным сектором, уже недалеко от вокзала. Валерий, однако, не повел своих тупо напрямик. Они порядком покружили, запутывая следы... кто знает, может, это было излишней перестраховкой, но на осторожности Подольский никогда не экономил.

Поплутав с полчаса, он наконец счел, что достаточно, – и двинулся к цели.

Вокзал находился в низине, к нему вели две улицы – одна западнее, другая восточнее. Команда Подольского двинулась по западной. Здесь были невзрачные домики, уже начавшие дичать сады-огороды... Двигались по-прежнему боевым порядком, но ничего худого не случилось. Примерно через двадцать минут вышли к спуску на вокзальную площадь...

Вышли – и страшно удивились.

4

Склон холма, ниже которого пролегла железная дорога, был отвесно срезан, а внизу находилась тяжелая техника – экскаваторы и бульдозеры. Ясно было, что срез грунта совсем свежий. Валера вмиг оценил ситуацию тактически, да и все ребята, должно быть, сообразили, в чем суть.

– Ну что, сержант? – риторически спросил Валера Штепу.

– Да дело ясное. – Тот сплюнул. – Кто-то, похоже, здесь закрепился, причем серьезно.

– А мы об этом ни сном ни духом... – проговорил командир. – Ладно. Объект есть, надо осваивать.

Если на территории вокзала кто-то и обосновался, то спецназ быстро нашел слабые места их обороны. Комплекс станционных помещений двумя крыльями – депо на западе и ремзаводом на востоке – упирался в низину, где холм кончался. Отряд скрытно двинулся западнее – так ближе – и вскоре оказался в огромном мрачном помещении депо.

Бойцы умели ступать беззвучно. Без малейшего шума группа стала пробираться в глубь техногенных сумерек, минуя застывшие громады тепловозов и электровозов. Здесь было тихо и пусто, но обостренным шестым чувством Валерий ощутил присутствие других людей...

Именно людей – не зомби.

Он предостерегающе поднял руку, и, подтверждая его догадку, ломкий мальчишеский голос выкрикнул:

– Стой! Стрелять буду!

Валера вмиг просек, откуда крикнул этот часовой, и оценил тактическую грамотность места – оттуда просматривалось почти все. Не опуская руки, он крикнул в ответ:

– Свои! Не стреляйте. Зовите главного, поговорим.

Пауза. Затем другой голос, постарше:

– Кто такие?

– Долгая история, – сказал Подольский. – Говорю же, зовите старшего, потолкуем. Нас семеро: вот мы все как на ладони.

Вновь напряженное молчание. Советуются. Потом юнец откликнулся:

– Ладно! Смотрите не рыпайтесь: вы под прицелом.

– Даже не подумаем, – устало произнес Валерий. А своим сказал вполголоса: – Все в норме. Похоже, здесь и вправду кто-то обосновался.

– И по-серьезному, – добавил Штепа.

Прошло немного времени, в глубине цеха зазвучали шаги. Кто-то шагал тяжело, твердо.

И вот из-за тепловоза возникла мощная фигура. Невысокий, но очень плечистый, плотный мужчина – про таких говорят: поперек себя шире.

Валерий вмиг понял, что человек этот далек от спорта, от всяческих единоборств тем более, но при этом наделен страшной, почти невероятной силой – такой уж природный дар. И характером крут: на лице, густо заросшем черной бородой, с маленькими глазами, широким носом и тяжелой челюстью трудно было прочесть какие-либо тонкие душевные движения, зато воля и властность были прямо-таки высечены, как на граните.

Человек подошел к бойцам, посмотрел на Подольского, затем на Штепу, вернулся взглядом к капитану.

– Ну что, знакомиться будем? – спросил он глуховатым баритоном.

– Надо бы, – усмехнулся Валерий.

Мужик протянул руку, похожую на модель экскаваторного ковша:

– Силантьев. Трофим Иванович. Бывший бригадир путейской бригады. Теперь, – он кивнул массивной головой назад и вправо, – тут вроде президента что ли.

– Подольский. Валерий Яковлевич. Бывший капитан спецназа ГРУ. Бывший заключенный. Теперь практически никто.

– Ну, вот и познакомились, – сказал Трофим.

5

Люди, владевшие ситуацией на материке, допускали, что, кроме известных им островов жизни в Зоне – Бастиона, складов МЧС и ментовской колонии, могут существовать и какие-то иные очажки, помельче. Но их заранее списывали в безвозвратные потери – с долей вынужденного цинизма, а по-другому никак. По всем разумным подсчетам, такие группы больше недели продержаться не могли. О том, что чудеса на свете бывают, взрослые умные дяди на Большой земле знали, конечно, однако знали и то, что чудеса прогнозам и расчетам не подлежат. Случится такое – и слава богу! Но, скорее всего, не случится. Поэтому дяди в свои построения эти маловероятные чудеса не включали. А уж после падения всех центров сопротивления и эвакуации уцелевших из Башен – и подавно. О блуждающей группе капитана Подольского материк, разумеется, узнал сразу же, не успела еще колонна выйти из Зоны... но и к этому отнесся с разумным скепсисом, вернее, без больших надежд: что будет, то и сбудется – в точности по майору Ракитину, хотя и не зная об этой его присказке.

И, рассуждая так, «большие люди» совершенно упустили из виду одну крупную группу, заключившую себя в комплекс станционных зданий, затихшую там и никуда не высывавшуюся...

Железная дорога в нашей стране всегда была своего рода «государством в государстве», а ее сотрудники – очень обособленной и специфической кастой. Когда случился взрыв и в городе была объявлена чрезвычайная ситуация, городской транспортный узел, естественно, трудился с полной нагрузкой: он не знал дней, ночей, выходных... Железно дорожники – народ дисциплинированный, поэтому паники и растерянности не было, хотя тревога, конечно, присутствовала. Вся дежурная смена осталась на рабочих местах, пассажирские поезда благополучно успели отправить, кое-кто даже из свободных смен успел прибежать – традиционно железнодорожники селились близ вокзала... А когда стало известно, что город полностью блокируют и отсекают от внешнего мира, на вокзале сумели оценить масштаб и опасность происходящего. По-быстрому собрали всех, кого только смогли, из домочадцев – женщин, детей, стариков... и перевезли, перевели, а кое-кого и перенесли в здание вокзала. После этого, как новгородцы на вече, собрались в зале ожидания.

В общей сложности здоровых юношей и мужчин – от девятнадцати до пятидесяти лет, – способных держать оружие, оказалось сорок три человека. Среди них и просто работяги, и машинисты, и довольно высокие чины местного отделения РЖД... Были и сотрудники транспортной милиции, и несколько студентов железнодорожного техникума, проходивших практику. В обсуждении участвовали все: такой демократии ни в Новгороде, ни в Запорожской Сечи, ни в самих Афинах не было. Бурное обсуждение свелось к двум основным тезисам:

а) необходимо закрыться, забаррикадироваться, замкнуться наглухо;

б) нужен твердый лидер, который бы обладал нерушимым авторитетом и умением руководить людьми.

Собственно, второе влекло за собой первое, и потому долгих споров-разговоров разводить не стали. Кандидатура была одна: начальник дежурной смены станции, властный, успешно поднимавшийся по карьерной лестнице мужик лет тридцати с небольшим. По нынешним меркам возраст, правда, почти мальчишеский, но этот парень сумел рано повзрослеть – и вокзальное «вече» единогласно избрало его своим вождем.

Он рьяно взялся за дело. Не теряя ни минуты, начал инвентаризацию: сколько нужных и не очень нужных им вещей, продуктов и прочих товаров народного потребления на станции и

в застрявших на путях эшелонах? Выяснилось, что провизии, горючего и техники с избытком. Тогда «президент», как его сразу же успели окрестить, распорядился заправить бульдозеры, экскаваторы – и срыть склон ближнего холма, сделав отвесную стену, гигантский контрэскарп, говоря языком военных инженеров. Это было разумно.

Большинство мужиков здесь были крепкие, двужильные, мыслившие просто и рационально. Идею начальника они поняли враз – и работа закипела.

Пара дней сумасшедшего труда, который никаким стахановцам и не снился, – и «великая стена» была готова (ночью работать избегали, дабы не привлечь внимания шумом и светом фонарей). Это сильно улучшало положение осажденных, но все их проблемы не решало. Президент, казалось, совсем не спавший в эти сутки, совместно с милицейским лейтенантом, старшим наряда, дежурившим в ту роковую ночь на станции, разработали схему и график караульной службы, особое внимание уделив цехам ремзавода и депо, а также открытому пространству с северо-запада, со стороны Низовки. Теперь никакая сволочь не должна была проникнуть на территорию незамеченной!

Так жизнь помаленьку налаживалась. Что творится в городе, вокзальные не знали, хотя слышали шумы, взрывы, перестрелку и догадывались: ничего хорошего. Но все осознавали текущую задачу и сидели тихо, не рыпаясь.

6

Впрочем, оказалось, что сознавали не все.

Президент был сильным руководителем, но, видно, не очень хорошим психологом. Вернее, просто не считал нужным копаться в душах подчиненных. И так дел полно! А с кадрами работать я умею – так рассуждал он. И вправду, кадры подбирать он умел.

Есть люди, один взгляд которых заставляет быть с ними вежливыми и смиренными. Не спорить, упаси бог, не перечить тем более. А если оказался у них в подчиненных, как-то сразу чертовски хочется работать.

Именно таким человеком уродился бригадир путейцев Трофим Силантьев. Бригада у него была передовая, и заработки в ней были выше, чем в любой другой. Работяги туда рвались, и, конечно, Силантьев отбирал себе самых надежных, самых ломовых... Собственно, одной этой бригадой начальство латало все дыры, какие только возникали по ходу событий. Несколько раз Трофима выдвигали на повышение, но он неизменно отказывался, так как заметно потерял бы в деньгах.

Теперь, в этой пограничной ситуации, судьба сама вынесла бригадира вверх. Президент сделал его своим первым замом, и те, кто по прежней жизни был выше чином, с этим смирились... По-настоящему босс доверял только своему вице-президенту. Они быстро перешли на «ты».

И вот в очередной раз шеф пригласил зама к себе в кабинет.

– Слушай, Иваныч, – заявил он прямо, – есть у меня подозрение, что кто-то у нас крысничает.

– Запросто, – не удивился Трофим. – А какие подозрения?

Босс сказал, что за последние два дня резко вырос расход продуктов – это он отслеживал тщательно, и установить убыток не составило труда.

– На кого грешишь? – спросил Силантьев.

Начальник хмыкнул.

– Не знаю, – признался он.

– А у тебя это... агентура своя есть? Стукачи, по-русски сказать?

Президент поморщился так, будто бы его носа коснулось какое-то особо гадкое зловоние.

– Нет! – отрубил он. – Таким говном не пользуюсь.

– Ну и зря, – спокойно молвил Трофим. – Ничего не говно, а так, нормальное дело. Как это сейчас говорят... маркетинг что ли?

– Менеджмент. – Босс решительно встал из-за стола. – Нет! Такой менеджмент нам не нужен.

И он изложил свой план: им вдвоем ночью надо сесть в засаду близ вагона с самыми дефицитными продуктами: консервами, армейскими пайками и кондитерскими полуфабрикатами, поскольку убыль именно этих деликатесов засек скрупулезный начальник... Силантьев заметил, что надо бы еще кого-то с собой взять. Президент категорически воспротивился.

– Ни в коем случае! – Он резко взмахнул рукой. – Все под подозрением. Информация только для нас двоих. Понимаешь?

Трофим Иванович этого не очень понимал, но успел уже узнать, что спорить с шефом – дело безнадежное даже для него, человека, способного отстаивать свое. Он и не стал. А кроме того, дисциплина как вошла в Силантьева еще в железнодорожном училище, так и осталась на всю жизнь.

– Ладно, – сказал он.

Часам к двенадцати ночи местная жизнь, и без того полуподпольная, замирала окончательно. Стояли часовые на постах, в комнате милиции располагались бодрствующая и отдыхающая смены караула, а прочие сто с лишним человек отходили ко сну... Дождавшись, когда сон сморил всех, руководство тишком отправилось в засаду.

Президент не был бы самим собой, если бы все заранее не предусмотрел. Бесшумно и невидимо даже для часовых они достигли вагона с дефицитом, затаились неподалеку. Время пошло.

Точнее, поползло. Впрочем, с нервами у обоих все было в порядке: сидели, не переговариваясь, даже не шевелясь. Тишина стояла почти мертвая. Потом сменились часовые – все строго по правилам, со светомаскировкой, с окликаками, после чего разводящий увел прежнюю смену в здание вокзала.

А потом...

Потом слышались шаги.

То были воровские, тревожные шаги – Трофим распознал это дело вмиг. Тут же начальник осторожно притронулся к его руке. А шаги стихли. Но через секунду кто-то тихо свистнул.

И раздались другие шаги, уверенные. Затем неразборчивые голоса, затем боязливо блеснул свет фонарика, и заскрипела медленно отодвигаемая дверь вагона...

Президент резко хлопнул Трофима по руке и вскочил.

– А ну стоять! – рявкнул он хоть и приглушенно, но страшно.

Вдвоем они подбежали к вагону. Президент врубил свой фонарь. В световом пятне мелькнули три юных, ошарашенных и наглых лица.

Хотя нет – наглое только одно. Два других просто испуганные. Это были практиканты из техникума. Одного из них – с наглой рожей – Трофим приметил давно: гнилой парень, с говном в душе, сразу видно.

– Что, хорьки? Вагон потрошим? – зловецким тоном произнес президент.

Двое трусливо покосились на третьего – ту самую наглую рожу. Видно, он у них верховодил.

– Да не, – и глазом не моргнув, начал врать парень. – Мы так только, из интереса...

– Не свисти! – оборвал его президент. – Сейчас будет вам интерес по самые помидоры, да с огурцом. Готовь очко, драть будем. Ну!

– Чего – ну? – пробормотал парень, кинув взгляд на дружков.

– Того! Снимай штаны, вставай раком.

Лицо парня вдруг исказилось злобой.

– Давай! – взвизгнул он.

И, прежде чем Трофим успел что-то сообразить, двое метнулись к президенту.

Время сорвалось, мгновенья стали вспышками в темной пустоте. Силантьев увидел в руке парня монтажный ломик. Взмах – и он резко бьет по голове начальника. И еще, и еще!

Затем Трофим увидел три перекошенные рожи и себя самого. Точнее, свою руку. Спортом он сроду никаким не занимался, но кулак имел пудовый, а удар – не дай боже. Удар – и одна рожа исчезла.

Тут что-то стукнуло его в левое плечо. Трофим удивился, но лишь на мгновение. Нанес еще удар – второго кинуло под вагон.

Провал, вспышка – и третий хрипит, бьется на земле, а Трофим сидит на нем сверху, и в левом плече разрастается стреляющая, пульсирующая боль.

– Стой! Кто?! Что там у вас?.. – вразной беспорядочные, встревоженные голоса.

Прибежали часовой, караульные бодрствующей смены, еще кто-то...

– Шефа посмотрите! – приказал Силантьев.

Шеф был мертв.

– Ни хрена себе... – потрясенно пробормотал кто-то. – Да что же это такое?!

– А вон, сейчас у них спросим, – Силантьев встал, поморщился от боли: теперь стало отдавать в руку, – что это такое... Дай-ка!

Он взял пистолет у милицейского сержанта. Стволom ткнул в перекошенное от страха лицо.

– А ну, колись, гниль, – велел Трофим. – И не врать! Меня не проведешь. Одно лживое слово – и пуля в башке. Давай!

Малый, заикаясь, стал говорить. Выяснилось, что они втроем задумали побег. Решили набрать побольше продуктов, оружия...

– Дураки, – сплюнул Силантьев. – Куда бежать-то собрались? На ту сторону?

– Да-а...

– Ну и на хрен вам оружие? В кого стрелять там будете?

– Не знаю... Это вон он. – Парень кивнул на убийцу.

Тот сидел, вытирая рукавом разбитые нос и губы. Глаза бегали, как у затравленного зверька.

– С-сука... – процедил он.

Доносчик виновато всхлипнул.

Трофим обернулся, увидел на суровых лицах приговор без слов.

– Ну что, – сказал он, – по законам военного времени?..

И те кивнули в ответ.

Трофим шагнул к убийце, увидел, как в его глазах полыхнул ужас, – и выстрелил в упор меж этих глаз.

– Вставай, – сказал он доносчику.

– Чего... Зачем?.. – затрясся тот.

– Затем. – Трофим поморщился. Плечо болело все сильнее, руку дергало уже до локтя.

Малый кое-как поднялся.

– Кругом, – велел Силантьев.

Горбясь, парень повернулся. Трофим приставил дуло к его затылку.

Стрелять не собирался – он был не злой и не мстительный. Только справедливый. Думал провести краткий воспитательный курс.

Да не рассчитал. От тычка в затылок парень дрогнул, колени подкосились, и он рухнул ничком в щебенку.

Все обомлели.

– Мать честная! – озадачился Силантьев.

Сержант подошел к упавшему, перевернул.

– Готов, – вынес он диагноз. – Видать, с испугу лапы склеил. Кишка тонка.

– Понял? – повернулся Трофим к третьему беглецу.

Тот беззвучно шевельнул сухими губами.

– Вот так, – буднично сказал Силантьев. – Больше так не делай.

Он отдал пистолет сержанту. Боль в руке донимала, но Трофим напряженно думал. Теперь он должен был думать обо всех и за всех. Он ни на секунду не усомнился, что ему придется возглавить этот обитаемый остров и нести полную ответственность за живущих здесь людей...

Такая жизнь.

Глава 5

1

Эту историю и еще многое другое успел рассказать Подольскому Силантьев в кабинете начальника вокзала. Бойцов своих Валерий отправил отдохнуть, а самому, конечно, надо было оценить обстановку.

– Да, – сказал он, выслушав «президента». – Невесело, но знакомо. И у нас похожая картина... А вы так все время здесь и сидите?

– Ну да. Сперва совсем тихо было, потом смотрим – катера по реке начали шастать, по ночам прожекторами шарят... Карантин, мать его! Ну, мы совсем прижались: ни огонька, ни шороха. За нарушение – расстрел на месте. Ну, дураков вроде нет... Идет жизнь, привыкли! ЧП нет, караул службу тащит...

– Постой, – перебил Валера. – У вас же до реки два шага. Могли бы просигнализировать...

– Ну нет! – теперь перебил Трофим. – Обсуждали мы этот вопрос. Ты что, капитан, наших чинуш не знаешь?

Валера усмехнулся:

– До сих пор Бог миловал. Хотя навидался по жизни всякой публики.

– Ну, это того... другой вопрос. А эти... Мы мозгами пораскинули: нет уж, хрен вам! Лучше отсидимся, а там видно будет. Им ведь проще всех положить, чем с каждым-то разбираться. Списать в безвозвратные потери – и привет... А наверху никто и не узнает никогда.

Подольский подумал.

– Ладно, – сказал он, – потом вернемся к этой теме. Переговоры с материком беру на себя. У вас тут женщины, дети... Так долго не протянете. Счастье ваше, что и сейчас живы! Кстати, а эти твари, зомби... они что, к вам ни разу так и не сунулись?

– Как ты их назвал?

– Зомби. Ну, это неважно... короче говоря, то, что от людей осталось.

Трофим посмотрел на собеседника, хмыкнул:

– Да уж. Доигрались, мать их! Что от людей осталось, в самом деле... Ты, капитан, кстати, подробностей не знаешь? Что там случилось, в институте том?

– Слышал. – Подольский кивнул. – Но ты мне не ответил.

– Отвечаю: было один раз. Пришла толпа... ну, как толпа – штук двадцать... пятнадцать, может быть. Приперлись прямо к обрыву. Один шагнул, свалился, а там внизу как раз бордюрные камни кучей. Ну, этот прямо на них – вдрызг! Картина еще та... Другие постояли, погыркали чего-то, пошли в обход. Догадались, суки! Ну, тут мы их и встретили...

– Кстати, – вспомнил Валерий.

Он сообщил, что нельзя допускать никаких рукопашных схваток с зомби – заразиться можно. Любые их выделения... Силантьев на это лишь рукой махнул:

– Да знаем мы! Догадались, тоже мозгами как-никак шурупить умеем. Мы их залпом покروшили, причем по первому разу они, сволочь, упадут, да и опять вскочут. Ну, мы тогда давай в бошки целить...

– Знакомая картина. – Валерий вздохнул.

Дальше Трофим рассказал, как они перестреляли наконец уродов – пришлось потрудиться да и патронов попалить немало... Затем, сообразив, что дрянь, превращающая людей в кошмар, заразна, выкопали яму; граблями, баграми стащили трупы туда, плеснули солярки, благо этого добра с избытком... и так пожгли все, стараясь, чтобы без большого огня-дыма. Помаялись, конечно, попотели...

Подольский спросил:

– А что, с реки не заметили стрельбу, а потом и дым все же какой-никакой?..

– А хрен их знает, – честно ответил Силантьев. – Вроде ничего не поменялось. А может, и заметили, да решили, что это уроды друг друга валят, ну, мол, и хер с ними... Нет, ты вот скажи мне, капитан! Как это понимать?! То есть мы-то поняли, конечно, что это выброс... ну, черт его знает, какого-то говна, которое психику меняет что ли... да и весь организм. Но чтобы весь город так?! Это же... я... да в голове не укладывается. И что там, – Трофим вскинул взгляд, – делать думают? Не слышал?

– Слышал.

Валерий поведал о профессоре Нахимове, о штабе на Большой земле, рассказал об эвакуации, затем постарался объяснить, что такое Рой, что это за сущность... и завершил доклад планами руководства выжечь зону поражения – то есть город – начисто.

Силантьев задумался:

– Хм... Значит, считаешь, могут нам пойти навстречу?

– Должны. Я свяжусь с материком. Но только рация у нас в Башне осталась, в схроне. Тяжелая, зараза... придется за ней идти. Это тебе не уоки-токи...

– Ну, это ладно... Слушай, капитан! Ты как дальше-то думаешь? С нами останетесь?

– Надо с ребятами обсудить. Но я уверен, что да.

2

Так оно и вышло. На кратком совещании все бойцы высказались «за». Быстро обсудили детали – и Подольский отправился к Силантьеву.

– Решили, командир. – Валерий улыбнулся. – Согласны! Сработаемся?

– А чего ж нет? Ты вроде мужик с головой, я на свою тоже до сих пор не обижался... Ну, а ребят своих ты, видать, держишь крепко.

– Надежно, – поправил Валерий. – Значит, договорились. Но с одним условием!

– Ну, говори.

– Условие такое: мы – самостоятельное подразделение. Действуем совместно и согласованно, полная взаимопомощь... но свободу действий мы за собой оставляем. Это чтобы не было потом претензий и эксцессов.

Трофим, если и не совсем понял мудреные формулировки, суть дела ухватил сразу. Выбирать ему не приходилось. А что от спецназа будет толк, «президент» сразу смекнул.

Согласовали это. И тут же перешли к делам насущным.

– Значит, так, – стал диктовать Подольский. – У нас там приличные запасы продовольствия, боеприпасов. Все будет общее. Годится?

Хозяйственный Силантьев возражать не стал. Решили так: спецназ идет за своими запасами, а в качестве рабочей силы вокзал выделяет... кого?.. здесь Трофим на секунду задумался, но тут же определился:

– Дам вам двух человек из своей бригады. Мужики... ну, с ними хоть на Южный полюс, хоть на Северный. Только уж прошу вас, ребята: они же не вояки... короче, чтобы оба в целости и сохранности вернулись. Они семейные, я их уж лет десять знаю.

Валерий не стал скрывать, что рейд предстоит трудный:

– Гарантий дать не могу. Хотя, конечно, ребята мои все профи, и мы постараемся. Но... сам видишь, что творится.

Трофим насупился, помолчал немного и буркнул:

– Вижу. Но тут вот какая закавыка: пошли я кого другого, сразу разговоры пойдут втихомолку: вот, мол, своих бережет, а других посылает... А такая шепотня – хуже нету. Психология, мать ее... Ладно! Нечего сопли жевать. Берите этих двух – и айда!

– Уже в пути. – Валерий встал.

Двое работяг, выделенных Силантьевым, показались Валере почти близнецами: оба в возрасте, приземистые, длиннорукие... Долгая рабочая жизнь стерла их, одинаково смяла лица, ссутулила спины, сделала тусклыми глаза... Подольскому, понятно, не было нужды вглядываться, тем паче вдумываться в это. Он даже не спросил их имен. Зачем?..

– Так, мужики, – сказал он. – Слушай внимательно и запоминай. Повторять не буду – времени нет.

И сжато изложил инструкцию по технике безопасности во враждебном мире. Оба слушали молча, но когда капитан решил проверить, как они усвоили материал, то с удивлением убедился, что пролетарии все запомнили и поняли.

– Ладно, – произнес тогда Валерий. – Можете, мужики, верю. Ну, пошли!

И они пошли.

3

Давно уже было за полдень, поэтому группа сразу взяла быстрый темп. Железнодорожникам пришлось туго, но они старались: шли, не отставая, вопросов не задавали, по команде послушно замирали. Валерий, честно сказать, опасался, что штатские могут от специфического зрелища скиснуть – видеть зомби в крупных количествах им не доводилось, но пролетарские нервы оказались прочны, как канаты. На стертых лицах никаких эмоций, только напряжение и старание. Подольский понял, что Силантьев и вправду набирал к себе в бригаду мужиков прочных, выносливых, на которых можно положиться в любом случае.

До Башен добрались успешно. Командир, как всегда, подстраховался: метров за двести до объекта затаились, выждали... и, убедившись, что все тихо, мгновенным броском достигли цели.

Люди Подольского пробыли здесь несколько суток, потому ориентировались, словно в родном доме: зрительная память для бойца спецназа не роскошь, а необходимость. Вытащили из схрона мощную рацию, проверили – отлично! Стали решать, как быть с продуктами.

Тут возникла не такая уж большая, но проблема. Все утащить за один раз оказалось нереальным. То есть, конечно, если навьючиться, переть на горбу пуды поклажи, но тогда потеряется мобильность, а это – смерть. Оставлять тайник за пять километров от базы тоже, наверное, не лучший вариант, но... лучший из худших, типа того.

Подольский сделал выбор.

– Часть оставляем здесь, – распорядился он.

Постарались взять самое полезное, рацию – само собой. Оставшийся провиант спрятали основательно. Распределили груз – львиную долю его взвалили, понятно, на железнодорожников.

– Держитесь, мужики, – посочувствовал им Штепа. – Судьба ваша такая!

Спецназовцы, конечно, тоже взяли часть запасов, но в меру. Проверились, осмотрелись, заперли все и пустились в обратный путь.

Отошли меньше чем на километр, когда нехорошее предчувствие стало томить командира. Он мельком вспомнил Меркурьева, но впадать в ностальгию было недосуг. Поднял руку, останавливая группу.

Он сам еще не знал зачем. Просто что-то беззвучно шепнуло ему: стой! И он послушался.

Но ничего не случилось. Тихо, неясный отдаленный шум – только и всего. Валерий махнул поднятой рукой: идем. Группа двинулась дальше.

Путь показался долгим, но дошли благополучно. По лицу Силантьева Подольский увидел, как предводитель осажденных искренне рад возвращению своих, а кроме того, убедился, что капитан слово держит. Сказал: постараюсь – и постарался.

Валерий оценил это, хотя и молча. Сказал он другое:
– Ну что, союзники? Будем на связь выходить?

4

Недоверие к Большой земле все-таки глубоко засело в душе «президента», несмотря на то что он сознавал, конечно: век в осаде не просидишь, чем-то да должно это кончиться... В итоге решил вынести вопрос на обсуждение и вскоре после ухода группы объявил общий сбор.

Надо сказать, что приход спецназовцев взволновал население вокзала – люди как-то уже привыкли к своей обособленности, а тут вдруг на тебе! И сразу все ощутили хрупкость их тихого житья-бытья. Она, впрочем, и прежде ощущалась, но не так сильно, как теперь.

Трофим чутко уловил настроение масс – и созвал «вече». Тень на плетень наводить не стал, раскрыл суть своей беседы с капитаном. Народ задумался.

– Да оно-то конечно... – выразил общие сомнения один из старейшин – бывший машинист, когда-то начинавший учеником еще на паровозе. – С одной стороны, чего уж там говорить, надо отсюда как-то выбираться. Все это до поры до времени, я уж тебе говорил, Иваныч...

– Помню, – кивнул Силантьев.

– ...да. Но, с другой стороны, я за свою жизнь от начальства столько сладких песен наслушался! Теперь вот всякому зверю поверю, а начальству – не поспешу. Поэтому – думать надо.

– Ну-у, блин, – втихомолку проворчал кто-то в углу, – мудрец! А то мы без него не знали, что думать надо.

Разгорелись дебаты. Жизнь научила этих людей мыслить если не блестяще, то дельно и упорно. Коллективный разум трудился примерно полчаса, прежде чем пришел к выводу: будем эвакуироваться. Видимо, эта мысль все-таки назрела.

Итак, принято! И точно свежий ветер дунул по вокзалу. Люди заулыбались, задвигались живее, а дети, до того по примеру взрослых тихие и смурные, забегали, зазвучал смех...

В таком приподнятом настроении встретили вернувшихся из рейда. Подольский сразу это угадал – и про сеанс связи спросил бодро, с подъемом, по сути уже зная ответ.

– Да! – ответил Силантьев. – Давай, капитан, рубай свою рацию.

– Ну и хорошо, – искренне сказал Валерий.

Лучшим специалистом по радио в их группе был он сам. Агрегат, полученный от щедрот профессора Нахимова, отличался от тех, с которыми Подольскому приходилось иметь дело на службе, – прогресс, куда ж деваться! – но разобраться в этой новой технике для него не составило труда.

Покуда он возился с аппаратом, вокруг собралась изрядная толпа. Глазели с любопытством, кое-кто и рот разинул. Военной натуре Валерия такое штатское разгильдяйство, слов нет, не очень-то понравилось, но опять же – куда деваться, он здесь не начальник.

– Готово, кажется, – заключил наконец он и нажал кнопку блока питания. Зеленый огонек весело засветился на приборной панели.

– Во, мать его, как в такси! – вызвало это у кого-то неожиданную ассоциацию.

Подольский быстро нашел нужную волну. Открытый текст полетел в эфир:

– Материк! Материк, ответьте Зоне. Материк, я Зона, как слышите меня?.. Прием...

Тишина в ответ.

Валерия это не смутило. Он подождал несколько секунд и продолжил:

– Материк, повторяю, я Зона, как слышите меня?..

И на этот раз материк откликнулся металлическим радиоголосом:

– Слышу вас, Зона! Кто в эфире?

Все вокруг стихли, затаив дыхание. Валерий четко ответил:

– На связи капитан Подольский... – усмехнулся и поправил себя: – То есть бывший капитан...

Материк вдруг смолк. Подольский обеспокоился:

– Как слышите меня?! Прием!..

Еще пять-шесть секунд тишины – и знакомый голос:

– Валера, ты?!

– Я. – Подольский провел по лицу ладонью. – Здравствуй, Коля.

5

Да, на связи был майор Ракитин собственной персоной.

Из недолгого разговора выяснилось: едва оказавшись на Большой земле, он был задействован в работе кордонной системы как человек, наиболее информированный о Зоне, кем-то вроде главного консультанта. В общем – с заметным повышением. Сейчас, после непродолжительного карантина (месячное заточение в отдельном блоке им заменили на недельное обследование), он находился в местном штабе, подчиненном напрямую Москве.

Туда, в столицу нашей Родины, спецрейсом отбыл профессор Нахимов со свитой, захватив с собой Игоря Рябинина, – и пообещал в скором времени вернуться...

Валерий быстро и грамотно описал ситуацию, ну а Ракитину хватило полминуты, чтобы осознать ее.

– Понял, – сказал он деловито. – Сколько их? – имея в виду население вокзала.

– Сто семнадцать душ, – тут же отреагировал Трофим.

– Слышу, – отозвался Ракитин.

Он пошуршал чем-то, затем произнес:

– Доложу немедленно. Думаю, решение будет принято сегодня же. Валера, черт... Как я рад, что тебя слышу!

Переход от суховата-официального тона к простому человеческому был для всех как внезапный луч света во мраке. Кто-то засмеялся.

Но главное – подопечные Силантьева поверили, что на той стороне сидят не чугунные болваны-бюрократы, которым плевать на все и всех, а такие же люди – и они на самом деле будут думать о них, осажденных, и придут им на помощь. Улыбнулся и Валера.

– И я, Коля, – сказал он. – Я тоже очень и очень рад...

Ракитин с Подольским обговорили кое-какие детали.

– Ты будь на связи, – предупредил майор.

Валерий замялся.

Вообще-то он собирался в очередной рейд. Искать Зверева с Меркурьевым просто так, бессистемно, – это в точности из поговорки про стог сена и иголку, но у Подольского сложилась руководящая идея.

Он не собирался темнить, разводить секреты и честно изложил свою задумку. Николай выслушал, малость помолчал и... согласился:

– Ладно. Тогда кого-нибудь оставь на приеме!

– Да старшего и оставлю. Трофим Иванович Силантьев... – Валерий представил главу команды союзников.

– Отлично, – отреагировал Ракитин. – Но, я надеюсь, к ночи вы вернетесь?

– Обязательно.

– Ладно... Ну все, конец связи! Питание берегите... Волна та же, штаб всегда на ней. Отбой!

– Вот так. – Подольский поднял взгляд, увидел почтительно-безмолвную толпу, постарался сдержать улыбку: – Ну, Трофим Иваныч, принимай технику в хозяйство. – Он положил руку на корпус рации. – Питание береги.

– Да херня питание, – отмахнулся начальник. – Подключим к генератору, это нам раз плюнуть...

– Ну, и тем лучше. – Подольский встал. – Тогда мы перекусим, отдохнем часок и в путь.

6

Идея, которую Валера собирался осуществить через час, вызревала в нем как-то бессознательно и постепенно, что ли, а родилась внезапно. Но как только родилась, он понял, что на самом деле она долго блуждала где-то, в потемках его души. Идея была такова: направиться к Бастиону.

Почему именно туда?.. Подольский провел анализ этого решения уже после того, как оно состоялось, и убедился, что оно верное. Бастион, что ни говори, естественный центр событий, а раз так, то... то, кем бы ни стали Меркурьев и Зверев, они с большей вероятностью могут быть неподалеку.

Тут Валера поймал себя на этом «кем бы ни стали». Это значит – стали зомби. Останься они людьми, разве полезли бы в самое гнездилище Роя?.. Ну, то-то и оно. Правда, чего только на свете не бывает, но мыслить все же следует в разумных пределах.

Ну и – просто надо же с чего-то начать. «В конце концов, пора начать...» – сказал поэт, а какой, шут его знает! И с чего начинать, если не с Бастиона.

Он не сразу сказал об этом своим ребятам. Никаких секретов, просто было некогда – идея вынырнула из глубины именно в тот момент, когда на полпути из Башни странное чувство посетило Валерия, и он тормознул свою группу. Тревога, слава богу, не сбылась, зато возникла мысль о Бастионе – простая и верная.

Ну, а теперь, после радиосеанса с Ракитиным, надобность в объяснениях отпала. Бойцы Подольского восприняли слово начальника в рамках привычной дисциплины: сказано – сделаем. Валерий своим парням верил на все сто, но распорядился особо:

– Пойдут со мной двое. Прочим – отдыхать до вечера.

Под вечером он разумел наступление сумерек...

Через полчаса трое спецназовцев неслышными тенями крались к Бастиону. Шли, уклоняясь от всех возможных боестолкновений, да их и не предвиделось. Валерий заметил, что обстановка в городе заметно успокоилась – не по-человечески, конечно, а по-роевски... но утомилось как-то все, улеглось. Ну что ж – Рой победил, завоевал город и теперь обживается, обустраивается в этом отвоеванном уголке мира. По улицам, дворам в странном ритме, странными маршрутами двигались отряды зомби, а однажды мимо спрятавшихся разведчиков прогромыхала колонна тяжелой техники: автокраны, цементовозы, грейдеры... Зачем? Куда?.. На эти вопросы ответов не было.

Подольский искоса взглянул на лица спутников – и убедился в правильности своего выбора. Нервы у ребят были стальные. За что они попали в лагерь?.. Впрочем, он тотчас отогнал пустые мысли.

Чем ближе к Бастиону, тем стало труднее. Орды зомби шастали здесь гораздо гуще, и продвигаться приходилось уже короткими перебежками. Валерий вглядывался в бредущие мимо существа, пытаясь угадать в мертвенных личинах знакомые черты... Но так и не увидел тех, кого искал.

Какое-то тяжелое предчувствие возникло у него. Он попытался вслушаться в себя, но как раз возник удобный момент – и группа броском достигла длинного дома, фасадом выходящего прямо на Бастион.

Переведа дух, Валерий осмотрелся. Быстро прикинул, что к чему. Дом многоподъездный, крыша плоская, ходов-выходов – то бишь путей отступления – множество. Капитан принял решение:

– Наверх.

Быстро поднялись на девятый этаж. Определили квартиры, окнами выходящие на Бастион, – во всех, кроме одной, были массивные железные двери. А в той одной – дверь хлипкая, ровесница развитого социализма. Ее и вышибли пинком.

Вошли. Бедно, пыльно. Старая мебель. Какие-то коробки, пакеты, узлы... Наверно, жили здесь тихой пенсионной жизнью небогатые старики. Жили-жили и дожили... Ладно, не будем.

Балкон оказался застекленным, с занавесками, и Подольский прямым ходом двинул туда.

Взглянул вниз и понял причину тягостных предчувствий. Точнее, то, что он увидел, стало точкой в событиях этого дня, и такой, какая только и могла быть.

На площади перед огромным зданием, где шел когда-то смертный бой, теперь все было убрано, расчищено... и высились две знакомые пирамиды из трупов.

Но что это были за пирамиды!..

Таких никому из них видеть еще не доводилось. Высотой до третьего этажа и в ширину метра три-четыре – казалось невероятным, что мертвые тела можно так сложить, спрессовать в такие гигантские колонны. Но – вот они. Приходилось верить своим глазам.

И все же не это было самое страшное.

Самое – что пирамиды были как живые.

Сотни собранных воедино мертвецов должны были бы источать ужасный, невыносимый смрад, но ничего подобного не было. Вообще никакого запаха – то есть обычный запах, городской. А поверхность этих колонн смерти, гладкая, точно лаковая, переливалась серым и зеленым оттенками, шевелилась, текла, дышала – словом, жила.

– Еп... – начал и не договорил один из спецназовцев, чуть более, чем другие, впечатлительный.

Подольский навел на колонны бинокль, мощный двадцатикратный «Цейс». Слегка усилил резкость – окуляры заполнились серо-зеленым фоном.

Теперь можно было разглядеть кошмарную картину подробнее. Он увидел искаженные лица, сдавленные верхними телами, бессмысленно открытые глаза, смотревшие в никуда... и ничего уже человеческого не было в них. Больше того – тела и лица медленно таяли в текучей протоплазме, которая странно колыхалась, поглощая трупы, и они растворялись в ней, как сахар в чае...

Почему-то Валерий долго не мог оторвать взгляд от мертвого женского лица – когда-то, может быть, красивого, а сейчас уродливо-зловещего, как маска ведьмы где-нибудь на средневековом шабаше... И вот он смотрел, как эта маска меняется, как исчезают в ней человеческие черты... расширяются темные провалы глазниц, исчезают в них глаза, превращается в яму рот, и темные пятна ползут навстречу друг другу, съедая остатки лица...

Подольский резко опустил бинокль. «Секунды!» – понял он. Он смотрел несколько секунд, а будто – час.

– Ясно, – сказал он вслух.

И те двое не спросили, что ясно, – это его, командира, дело: знать. А их дело малое.

Ясно же стало Валерию то, что Рой выходит на какой-то новый уровень бытия. Пирамиды заработали, в них пошла реакция. Что это значит, что будет дальше, неизвестно, но вряд ли стоит ждать чего-то хорошего. А потому первоочередной задачей становится эвакуация. Поиски пока придется отложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.